

ОТ АВТОРА

Это повествование не претендует на литературный шедевр, но в нем ни одной фразы вымысла.

Советские военные моряки в настоящее время на своих красавцах-кораблях бороздят просторы океанов и морей всего мира и подвиг их предков в годы Великой Отечественной войны будет достойным примером мужества, отваги, морально-политической стойкости в любом уголке земного шара.

Они пронесли через весь мир КРАСНОЕ ЗНАМЯ СОВЕТОВ, не запятнав его ни соблазнами, ни упадком духовных сил в трудностях и опасностях выпавших на их долю в этом легендарном походе.

Этот подвиг займет в аналах истории Великой Отечественной войны достойное место и явится для потомков примером, которые также мужественно будут преодолевать все невзгоды, опасности и лишения выполняя свой интернациональный долг в любой точке земного шара во славу нашей Родины, социализма, справедливости и прогресса.

Г. ГЛАДУШ

Личные наблюдения и впечатления во время походов от г. Николаева на юге нашей страны до г. Молотовска /ныне Северодвинск /на севере в течение одного года и четырех месяцев /август 1941 -декабрь 1942 г.г./

Фронт приближался к городу Николаеву. Несмотря на ожесточенное сопротивление, наши войска вынуждены были оставить позиции на дальних подступах к городу и переходили к непосредственной обороне города. Часть населения была эвакуирована на судах следовавших по Днепро-Бугскому каналу в Крымские и Кавказские порты.

У причала судостроительного завода им. "61 Коммунара" стоял недостроенный ледокол "Микоян", предназначенный для работы в Совморпути.

По указанию ставки Верховного командования были приняты все возможные меры для достройки судна, с тем, чтобы вывести его с территории завода, который уже несколько раз бомбила фашистская авиация, а затем по Днепро-Бугскому каналу доставить в один из Черноморских портов. Команда судна была укомплектована военными моряками не полностью, поэтому часть гражданских работавших на судне были оставлены на судне для обеспечения его достройки. День и ночь шли работы военных и гражданских специалистов. Монтировались машины, кабельные линии, устанавливалась радиоаппаратура. Эта работа требовала величайшего напряжения сил.

К 5 августа 1941 года, когда немецкие войска буквально были у стен города, судно покинуло заводской причал и направилось на угольную пристань для погрузки угля.

Команда боевой части четыре, в составе лейтенанта Камаева, автора этих ~~строк~~ записок, матросов Мякишева, Цымбал, Коваль, Гапоненко, вместе с гражданскими специалистами-монтажниками сделали все возможное, чтобы обеспечить надежную радиосвязь с командованием Черноморского флота, так как этому судну предстояла особая судьба. При погрузке угля радисты испы-

—тывали радиопередатчики и другие радиоустройства и в светлое время не заметили демаскирующих явлений. С наступлением темноты командир корабля капитан второго ранга Сергеев вывел корабль на рейд. Не успели бросить якорь, как послышался гул моторов и там где раньше стоял наш корабль взметнулись огненные смерчи. Десятки бомб были сброшены фашистами на угольный причал, но корабль уже стоял в полной темноте на рейде. Командир принял решение шифром донести об обстановке в штаб флота, находящемуся в Севастополе. И тут оказалось, что выходить в эфир нельзя. Первое нажатие телеграфного ключа выявило мощное свечение разрядов токов высоких частот между изоляторами антенны. Что нужно предпринять? Как избавиться от свечения, которое демаскировало корабль?

Уменьшить мощность передатчика до минимума не выход. Нас не услышат в Севастополе.

Командир БЧ/4 л-т Камаев доложил командиру корабля о демаскирующем явлении, но тот приказал обеспечить связь при любых условиях.

Сидим в радиорубке, обсуждаем сложившееся положение, и вдруг в поле зрения одного из нас оказалась станиолевая лента от разобранного конденсатора. А что если отверстия изоляторов заполнить этой лентой. Решили немедленно провести эксперимент. В полной темноте опустили 4-х лучевую антенну, наполнили отверстия станиолью и вновь подняли ее, установили на место. Запустили передатчик, нажали на ключ. Явление свечения прекратилось, но оказалось излучения с антенны нет. Высокочастотное излучение замкнулось антенна-корпус.

Внутренний контур. Где же выход? Решаем количество изоляторов увеличить в двое. Ближним к лучам отверстия заполнить лентой, остальные оставить полыми.

Все операции проводились в полной темноте. Эксперимент удался. Сорок минут потребовалось для выполнения всех операций. Отличились матросы Цымбал и Гапоненко. Связь стала устойчивой. Наступило утро шестого августа 1941 года и глазам предстало страшное зрелище. Наместе где ~~лежал~~ стоял корабль полностью разрушен причал, а прилегающая территория изрыта воронками. Больше на рейде стоять нельзя. Корабль без движения это отличная мишень для бомбежки. Нужно следовать к Черному морю и продолжать работы по монтажу оборудования. Осадка корабля даже при неполной загрузке угля ~~5-6~~ 9-10 метров, а нужно идти строго по фарватеру, чтобы не сесть на мель. В связи с этим маневренность исключена.

На подходе к г. Очакову, к борту корабля подошел торпедный катер и с него предупредили, что немецкие самолеты сбрасывали мины по фарватеру и нужно быть очень осторожными. В видимости были полузатопленные суда, баржи, кое-где видны только мачты. Зрелище трагичное. Впереди идет траление. На наших глазах один буксир подорвался на mine и затонул через несколько минут. Нах^{ив}шиеся катера поблизости спасали оставшихся в живых членов команды. Малым ходом корабль движется вперед. За штурвалом матрос Рузаков, на мостике командир корабля Сергеев, старший помощник Холин, старший штурман Марьян. С сигнального мостика старшина 2 статьи Полещук докладывает обо всем видимом в поле зрения. Минуем Очаков. Армады самолетов с крестами следуют на восток, налетов на караван судов нет. Прошли Днепро-Бугский канал, выходим в открытое море. Вся команда облегченно вздохнула, корабль имеет возможность маневра.

По радио получен приказ - кораблю "МИКОЯН" следовать в главную базу Черноморского военно-морского флота - СЕВАСТОПОЛЬ. Море спокойно.

Без происшествий прибыли в СЕВАСТОПОЛЬ.

По прибытию в СЕВАСТОПОЛЬ, корабль посетил командующий Черноморским флотом Адмирал ОКТЯБРСЬКИЙ. После осмотра корабля, Адмирал

поздравил с благополучным прибытием в главную базу флота и выразил благодарность за огромную работу по вводу в строй действующих кораблей ледокол "МИКОЯН".

Через несколько дней на корабле начались работы по установке вооружения. Были установлены пять 130 миллиметровых орудия, четыре 37 миллиметровых зенитных полуавтоматов, четыре 45 миллиметровых пушки и несколько крупнокалиберных пулеметов. На корабль прибыла команда артиллеристов-моряков. Находившееся на корабле гражданские специалисты/машинисты, котельщики, электрики и др./были отобилизованы и стали военными моряками, переодеты в военную морскую форму.

В один из дней весь личный состав кроме вахты был выстроен на палубе. Командир корабля капитан 2 ранга Сергеев зачитал приказ о включении корабля в состав действующих кораблей Черноморского военн-морского флота в ранге-вспогательный крейсер "МИКОЯН". Все матросы, старшины и командиры как по команде подтянулись, лица стали веселее, чувствовалось скоро в бой. Мощное вооружение, идейная закалка, желание быстрее встретиться с врагом поднимали настроение. Речь командира проникла в самое сердце моряков, а моряки гордились своим командиром. Он пришел на флот в двадцатых годах по комсомольскому набору, вместе с другими краснофлотцами восстанавливал военные корабли. Выучился на командира, участвовал в боевых операциях в составе республиканской армии в Испании. После падения Испанской республики Сергеев вернулся на родину на Черноморский флот и командовал на эскадренном миноносце. В первые дни войны миноносец попал на магнитную мину и получил значительные повреждения, а командир попал в госпиталь. После краткого лечения назначен на должность командира строящегося в г. Николаеве ледокола "МИКОЯН".

Непривично было боевому командиру командовать гражданским судном, но приказ есть приказ. И вот теперь на флагштоке развевается военно-морской флаг СССР и весь корабль оцетинился орудиями разных калибров. На корабле подобрался опытный командный состав, - бывший катерник капитан-лейтенант Холин,

-первый помощник командира, старший штурман капитан-лейтенант Марлян, старший политрук Новиков, секретарь партийной организации лейтенант Борковский, командир артиллерийской боевой части старши лейтенант Сидоров, старший механик Злотник и другие уже участвовавшие в боях. Личный состав верил в своих командиров и настойчиво готовился к предстоящим боям.

КОРАБЛЬ ИДЕТ В БОЙ

В первых числах сентября корабль был готов к выполнению боевого задания. Получен приказ, оказать помощь защитникам города-порта Одесса. Конечно было волнение, ведь первая боевая операция. Перед выходом в море произошло знаменательное событие, на корабль прибыл известный морской писатель Леонид Соболев. Он выступил по корабельной трансляции и рассказал о героических подвигах наших воинов и особенно моряков при обороне Одессы, но им нужна поддержка с моря. Такую неоценимую поддержку может оказать крейсер "МИКОЯН" с его мощной артиллерией. Во второй половине дня корабль взял курс на Одессу.

На рассвете показался Тендровский маяк, поднялось над горизонтом солнце, небо чистое. Вдруг сигнальщик ст. 2ст. Полещук с сигнального мостика докладывает: пеленг 90 вижу самолеты противника!

Самолеты шли изпод солнца пытаясь быть незамеченными, но бдительность сигнальщика оказалась выше хитрости фашистов. Боевая тревога! Немедленно была поставлена завеса зенитного огня, строй самолетов нарушился и сбросив беспорядочно бомбы они ушли в западном направлении. При подходе к Одессе снова атака, но здесь уже в бой вступили наши истребители и атака фашистов на корабль не удалась.

Корабль вошел в заданный район на траверзе Одессы.

На корабль прибыл представитель штаба обороны города для согласования целей по которым должна бить корабельная артиллерия.

Цель находилась в районе селения Дофиновка, там располагался штаб румынской дивизии и артиллерийская батарея. Задача: уничто-

жить штаб и батарею.

Одновременно на корабль прибыла группа радистов (которые должны обеспечивать передачу на корабль корректировочных данных) для тренировки в целях изучения голоса, манеры разговорной речи по радиотелефону, интонации. Дело в том, что противник настраивался на нашу волну и передавал координаты наших войск. Поэтому нужна была особая бдительность и точная уверенность, что передачу ведут наши радисты, а не радисты врага. Также было договорено о специальных сигналах при передачах азбукой морзе. Корректировка по радиотелефону и радиосифром обеспечивала прицельный огонь корабельной артиллерии. Когда ушла береговая делегация артиллеристы начали тщательно готовится к артиллерийскому налету на район Дофиновки.

И вот по сигналу с берега около 22.00 начался ураганный огонь из всех пяти орудий главного калибра. Начали поступать корректировочные данные и радисты немедленно их передавали на командный пункт. После 30 минутного арналета командование обороны Одессы выразило благодарность за четкие действия корабельного экипажа.

Поставленная задача была выполнена отлично. От штаба и артбатареи противника остались только следы полного разрушения.

Отличились и радисты - под грохот канонады сумели обеспечить уверенный прием корректировочных данных, а тем самым и прицельный огонь корабельной артиллерии. Спустя минут десять после начала арналета появились ночные бомбардировщики фашистов и начали бомбить корабль. Корабельные зенитчики не дали возможности ни одному самолету сбросить прицельно бомбы. Вокруг корабля от разрыва бомб возникали столбы воды так близко, что заливали палубу - но никто не дрогнул и каждый делал свое боевое дело. Особенно отличились командир артиллерийской боевой части Сидоров, артиллеристы Плахов, Прокопенко да собственно весь личный состав, который действовал как единый механизм. Несколько ^{дней} корабль курсировала на траверзе Одессы и по команде с берега вел обстрел скопления врага по ^{к-ту} не окончилась боеприпасы. Во время затишья активная жизнь

на корабле не прекращалась. Активно работала комсомольская организация, выпускались боевые листки, радисты через корабельную трансляцию постоянно доводили до личного состава сводки Совинформбюро.

Особенно моряки ждали корреспонденций И. Эренбурга в которых писатель страстно и убедительно разоблачал сущность фашизма, его зверства на нашей земле. Несмотря на тяжелые боевые будни, комсомолцы организовывали самодеятельные концерты. Среди экипажа были артисты цирка, музыканты, чтецы-декламаторы, плясуны. Краснофлотец Лебедев-жонглер, радист Коваль-музыкант скрипач, краснофлотец Жуков декламатор и многие другие активные участники художественной самодеятельности. Решающую роль в ^{ре}сплочении экипажа сыграли коммунисты, сплотившие вокруг себя комсомольцев и беспартийных, воспитывая в них настоящую морскую дружбу, взаимовыручку, единство действий.

По приказу командования "МИКОЯН" вернулся в Севастополь для пополнения угля, воды, продовольствия и боеприпасов.

Во второй половине сентября отряд боевых кораблей готовился к большой боевой операции. И вот 21 сентября экипаж узнал о предстоящей ~~вы~~ высадке десанта в тыл врага под Одессой. Роль "МИКОЯНА": артиллерийское обеспечение при высадке десанта. Крейсера "КРАСНЫЙ КАВКАЗ" "КРАСНЫЙ КРЫМ" и несколько миноносцев с морскими пехотинцами на борту под покровом ночи подошли к берегу в районе селения Григорьевка и начали высаживать десант. Корабельная артиллерия расчищала путь для продвижения десанта. Десант выполнил свою задачу.

К этому времени Верховное командование приняло решение об эвакуации защитников Одессы в Севастополь. Нормальной эвакуации и способствовал запланированный десант создавший соответствующие условия. После выполнения задания "МИКОЯН" вернулся в Севастополь.

Здесь экипаж ждала новость. Приказ командования: следовать в Новороссийск! Команда в недоумении, почему боевой корабль должен идти в тыловую базу? Но приказ есть приказ. Выходим в море и берем курс на Новороссийск. Рейс прошел спокойно до Цемесской бухты, до Новороссийска рукой подать, но тут из-за горного хребта вынырнули фашистские бомбардировщики.

Зенитчики открыли ураганный огонь по самолетам не давая прицельному бомбометанию, но все же некоторые самолеты сбросили бомбы рядом с кораблем и нанесли существенные повреждения. Прекратилась подача электроэнергии, поткли котлы и так расшанье во время стрельб под Одессой, потерян ход. Подошел буксир с порта и повел корабль к причалу. Повреждения были серьезные, но команды машинистов и котельщиков решили произвести ремонт своими силами и с этим архисложным заданием справились. Здесь отличились асы машинного и котельного дела Стеценко, Дьяченко, Улич, Калбанов и другие специалисты. Стоим на ремонте несколько дней у причала Новороссийского порта. Город-порт на вид с моря очень красив. Обрамленный горами с севера, востока и юга он утопает в деревьях еще не сбросивших листьев. Высоких зданий не много и город кажется уютным и спокойным. Только в порту шла тревожная жизнь. Приходили транспорты с ранеными, грузились пароходы и баржи боеприпасами, продовольствием для защитников Севастополя.

На первый взгляд ничто не предвещало грозных событий.

Наступило утро 2 ноября 1941 года. Чистое небо, веселосветит солнце вышедшее из-за гор. Времья 08.00. По УКВ принята радиограмма "ВНЕ ВСЯКОЙ ОЧЕРЕДИ". В ней сообщалось, что на подступах к городу со стороны моря летят самолеты противника. Немедленно звучит сигнал "Боевая тревога". Через несколько минут появляется целая стая "Юнкерсов". Со всех кораблей и береговых зенитных установок открыт заградительный огонь. Строй юнкерсов нарушился, однако самолеты рвутся к порту. Свист падающих бомб, гром от взрывов столбы воды в бухте. Прорвавшиеся к городу самолеты беспорядочно сбрасывают бомбы на жилые кварталы. Несколько самолетов с дымными хвостами уходят в горы или в сторону моря. За первой волной следует вторая, третья. Самолеты летят не только со стороны моря но и со стороны гор. Артиллеристы корабля применили против самолетов шедших из-за гор главный калибр как и под Одессой против торпедоносцев противника. Это новшество применено на флоте. У соседнего причала бомба попала в транспорт, повреждена кормовая часть крейсера "ВОРОШИЛОВ". С самолетов сбрасывают пустые продырявленные бочки, которые падая издают страшны вой и

свист. Весь день с небольшими перерывами продолжался этот кошмар. Несмотря на массивный налет пострадало¹⁰ немного судов благодаря четким действиям корабельных артиллеристов, но городу нанесен значительный ущерб. Несколько самолетов было сбито в том числе два артиллеристами "МКОЯНА". Наступила ночь, город погрузился в кромешную тьму. Только в стороне цементного завода "Октябрь" кто-то упорно не гасил свет. Командир приказал дать залп из 45 мм пушки. Через секунду свет погас.

На утро 3 ноября командир БЧ-4 Камаев приказал мне взять двух краснофлотцев и доставить на корабль дистиллированной воды для аккумуляторов. Со мной пошли Гапоненко и Коваль. В это время в городе формировалась 2-я бригада моряков для отправки под Москву. Завтракали моряки в ресторанах и столовых города. Среди них встретились и знакомые по прежней службе на крейсерах "Красный Кавказ" и "Ворошилов" и пригласили позавтракать с ними. К завтраку подавали вино шато-икем, но мы с Ковалем отказались, а Гапоненко быстро выпил и я приказал ему идти на корабль и доложить командиру о нарушении дисциплины, а сами пошли на завод по воду. По возвращении на корабль Гапоненко на корабле не оказалось и командир приказал где угодно разыскать. Но разыскивать не пришлось, его привезли на грузовой машине груженной луком. Оказываеся что вместо того, чтобы идти на корабль еще добавил вина нашел с помощью моряков штаб бригады и требовал зачислить его в бригаду да так настойчиво, что пришлось связать и отправить на корабль. А мне, конечно, корабельный карцер за недосмотр. И все же Гапоненко добился своего. Не знаю жив ли он сейчас.

На корабле получен приказ: следовать в военн²-морскую базу Потн. К вечеру прибыли в базу, а на утро снова приказ: снять вооружение! Члены экипажа пришли в волнение, как же так корабль отличился в боях и при таком тяжелом положении на фронтах-разоружение. И снова приказ есть приказ. Немедленно начался демонтаж всех артиллерийских установок и места их расположения заделывались

так, как будто там ничего не было. В течение пяти дней все работы по демонтажу были закончены. Спущен флаг военн-морского флота и поднят красный флаг гражданского флота. С этого момента судно уже не вспомогательный крейсер "МИКОЯН", а ледокол "МИКОЯН". Оставшиеся члены экипажа прощались с артиллеристами. Это трогательное прощание заставило защемить сердце и выжать слезы. Даже мужественный командир не мог удержать этих соленых капель. На причале выстроились 130 артиллеристов, на правом фланге флаг военн-морского флота. Командир бывшей БЧ-2 Сидоров заверил оставшихся, что артиллеристы и на суше будут также воевать, как и на корабле и не подведут оставшийся на корабле экипаж. Четким шагом артиллеристы ушли в порт.

Ледокол отдал швартовы и взял курс на Батуми. Со стороны моря город Батуми представляется волшебны^м. В основном одноэтажный утопающий в зелени, везде великолепные пальмы на фоне затянутых дымкой высоких гор окружающих его с трех сторон. Неопишуемая красота никогоне оставила равнодушным, это наши субтропики.

Но экзотика экзотикой, а дело есть дело. Заходим в порт, швартуемся к причалу. У многих причалов стоят танкеры, их много, танкерный флот заперт в Черном море. Батуми-главный нефтяной порт через который шла бакинская нефть в многие страны мира. Водная поверхность покрыта пленкой нефти, деловая жизнь не очень заметна по сравнению с мирным временем. Когда я служил на крейсерах "Красный Кавказ" и "Ворошилов" в мирное время мы заходили в порт и он кипел бурной жизнью, на причалах было много рабочих, мряков, готовивших суда к отправке в рейсы. Сейчас же на причалах пустынно и танкеры стоят порожние. Несколько дней стоим в ожидании приказа. Политработники проводят беседы о патриотическом долге моряков черноморцев, о самопожертвовании ради спасения Родины от фашистских извергов.

Краснофлотцы задают вопросы: зачем же нас разоружили? разве экипаж плохо воевал? Но никто ничего не знал.

И вот 11 или 12 ноября-большой сбор. Капитан ледокола Сергеев объявляет решение Государственного Комитета Оборона-доставить

ледокол на север нашей страны, где он очень необходим для работы на северо-морском пути. Все члены экипажа поняли серьезность задачи. Подбирается минимальный экипаж на трехсменную вахту в основном коммунисты и комсомольцы. Полная добровольность. В части связи остается четыре радиста и три сигнальщика и так во всех командах. Остальной личный состав списывается на берег и строем направляется в городские казармы. Оставшимся отлучки в город запрещены.

На причал прибывают автомашины с тюками хлопчатобумажных костюмов. Объявляется приказ: все военное обмундирование сдать! и получить гражданские костюмы, на корабле не должно быть ни одного документа удостоверяющего военную принадлежность, сдать все личные документы, военные фотографии, литературу военного характера или воениздата. Все сданное сжигается в топках кроме личных документов, которые должны быть отправлены в тыл страны. Исполнение уставных требований и взаимоотношений отменяется. В обращении со старшими по должности или по имени отчеству. обращение между членами команды по фамилии или имени. Временно отменяется военная выправка. В этом важном деле нужна тренировка, особенно кадровым краснофлотцам и старшинам. Ах! как трудно, так и тянется рука к виску и стойка в струнку. Переодетые краснофлотцы и старшины не похожи на себя сразу и не узнаешь кто есть кто, да и на многих костюмы не по размеру. Моряки любят "Форс" и начался обмен, погребание, удлинения, подшивки лишь бы выглядеть в лучшем виде. Тем кто не был на вахте повезло, они более тщательно подбирали себе костюмы, ну а тем кто стоял на вахте получили то что осталось. Но главная гордость моряка - полосатая тельняшка так ее носят все моряки. Прибыла на ледокол комиссия и началось изготовление международных паспортов с фотографиями и приложением большого с мастикой в паспорте - это международное требование для моряков уходящих в заграничное плавание. Теперь мы гражданский экипаж ледокола "МИКОЯН".

Перед личным составом выступил председатель подготовительной комиссии. Он сказал: - вашему экипажу доверят очень трудная, но и очень важная задача, - прорваться через Средиземное море, где хозяйничают немцы и итальянцы и доставить ледокол по назначению, в случае угрозы захвата - ледокол топить. От имени экипажа капитан Сергеев заявил: - Экипаж до конца выполнит задание Государственного Комитета Оборона. Параллельно с нами к прорыву готовились еще три танкера "САХАЛИН", "ВАРЛААМ АВАНЕСОВ" и "ТУАПСЕ". Забегая вперед нужно сказать, что "ВАРЛААМ АВАНЕСОВ" потоплен в Средиземном море, "ТУАПСЕ" в Карибском заливе, а "САХАЛИН" прорвался и ушел на Дальний Восток.

В дипломатических кругах подсказали, что иностранные таможенные власти очень падки на русскую водку, и это надо учесть. Поэтому на ледокол было погружено большое количество ящиков с водкой.

Дело в том, что ледокол выходит в международные воды совсем не подготовленным, не было никаких документов дающих право бороздить моря и океаны, так не были проведены даже швартовые испытания, а для таможенников это был козырь, чтобы задержать судно. Вот и надежда была на русскую водку.

Доставить ледокол по назначению было четыре пути:

1. Средиземное море - Гибралтар - Атлантический океан - Баренцево море - Мурманск.
2. Средиземное море - Суэцкий канал - Индийский океан - пролив Сингапурский - Тихий океан - Владивосток - бухта Провидения.
3. Средиземное море - Суэцкий канал - Индийский океан - Атлантический океан - Панамский канал - Тихий океан - Берингово море - бухта Провидения.
4. Средиземное море - Суэцкий канал - Индийский океан - Атлантический океан - пролив Магеллана - Тихий океан - Берингово море - бухта Провидения. Какой избрать путь должна подсказать обстановка на морских коммуникациях, ведь на всех морях и океанах бушует война.

БАТУМИ - ХАЙФА

И вот 24 ноября 1941 года наш час настал. С капитанского мостика подается команда - отдать швартовы! и ледокол выходит на рейд.

На рейде нас ожидают военные корабли сопровождения до Босфора. Идем в нейтральных водах в видимости берегов Турции просматривающиеся в дымке. Нас сопровождают то с правого, то с левого борта стаи дельфинов, как будто прощаются с уходящими в чужие края.

Удивительное и волнующее зрелище. Свободные от вахты матросы переговариваются между собой. А ведь они наверно понимают/кто-то говорит-, что мы отправляемся в чужие моря! А ты как думал?—отвечает вопросом кто-то, я читал, что дельфины даже людей в море спасали. Интересно это одни и те же дельфины или их бригады меняются как и мы на вахте?—Что вы! Конечно одни и те же, я заметил одного веселого который выше всех выскакивает из воды и машет нам плавниками. Матросы смеются, а кочегар Жуков говорит:—тебе Степаненко не востовым быть, а сигнальщиком ты щепки не пропустишь, все увидишь. Так в свободное от вахты время проводили матросы в разных разговорах и наблюдением за "прощающимися" дельфинами.

Погода стала ухудшаться, стрелка барометра падала на "буря", усилился ветер, появились гребешки на волнах, все меньше дельфинов.

Вдали к берегу черные точки, наверно рыбацкие шхуны. Ветер усиливается, точки исчезают. С мостика звучит команда:закрепить по штормовому!. Вырастают волны, ледокол начинает раскачивать. К ночи разбушевался такой шторм, что ледокол, как в танце ложился то на правый, то на левый борт то зарывался носом в морскую пучину, то поднимался нос и затопляло корму. Вой ветра в корабельных снастях, ошалелая пляска судна, как будто испытывали экипаж на выносливость и мужество в борьбе со стихией. Почти трое суток продолжалась эта круговерть. Досталось и кораблям сопровождения, некоторые получили повреждения обшивки, но шторм возможно и помог скрытно пройти путь почти до Босфора. К 29 ноября шторм стих. Поутру в прозрачной дымке увидели турецкий берег, но пролива не было видно. Ориентируясь по карте штурман Марлян доложил—идем прямо на Босфор!.

Корабли сопровождения подняли на флагах сигналы—"счастливого плавания" и скрылись в туманной дымке. Ледокол остался один с неизвестностью. Входим в Босфор 29 ноября утром, тревожно на душе. Что ждет экипаж впереди? По правому и левому бортам высокие маяки при входе в пролив. Замедляется ход корабля, чувствуется встречное течение. Ход корабля 12 узлов /примерно 20 километров/ при встречном течении еще меньше. Котлы во время стрельбы под Одессой и при бомбардировках самолетами подремонтированы только частично и невозможно держать пар на марке, требуется капитальный ремонт в заводских условиях, ведь корабль строился не для стрельбы, а для работы во льдах.

Навстречу " на всех парах" идет буксир, подошел к борту опустили трап и на борт поднялись какие-то важные турецкие чины и лоцман. Лоцман сразу же потребовал бинокль, повесил себе на шею и не расставался с ним пока не пришли на рейд, при чем после постановки на рейде в суматохе сумел спрятать бинокль под курткой и увезти его с собой. Коммунист Новиков со смехом говорил нам—сказано турок не может, чтобы чего не стащить. Мы на рейде в Стамбуле. Высветило солнце и город по обеим берегам пролива предстал во всей своей красе. Яркие купола высоких минаретов, сплошь белые дома, в глубине города много зелени.

Прибывают катера с таможенными работниками, их много заполняют палубу у ^{трапа} мачты. Готовясь к досмотру, члены экипажа по указанию капитана дарят чиновникам бутылки водки, они восхищаются, улыбаются, благодарят. Капитан приглашает высших чиновников в каюткомпанию и по русскому обычаю идет угощение, им дарят несколько ящиков водки. Чиновники на веселе. На корабль прибывает советский военный атташе капитан 1 го ранга Радионов и английский морской офицер Роджерс, а также капитаны судов идущих на прорыв с красным флагом на флагштоках. Таможенники уже "не вяжут лыка" отбывают на катерах в порт. Идет совещание капитанов.

Через некоторое время атташе с капитанами других судов отбывают с корабля. По корабельной трансляции раздается команда: - приступить к стирке белья! Это значит, что мы здесь стоять будем долго. Цель этого мероприятия - отвлечь внимание немецких и итальянских шпионов от действительного намерения капитана ледокола. Через час от бака до кормы на леерах висело различное белье, рубы и т. д. Наступают сумерки и на палубе раздается ^{музыка} из всех наличных на корабле музыкальных инструментов, идет репетиция самодеятельности и как можно громче.

На юге быстро темнеет, в городе и на других судах огни, на ледоколе ни одного проблеска. Снимаемся с якоря и берем на Мраморное море. Встречных судов нет. По обеим бортам проплывают огни города и стоящих судов на рейде. Турция соблюдает нейтралитет в войне и затемнения нет. Нам же оно необходимо для скрытого ухода из Стамбульского рейда. Входим в Мраморное море, в восточной чуть поднялась над горизонтом луны ее отражение серебристого цвета красивой дорожкой уходит к горизонту. На корабле тишина, только слышится гул машин. Входим в пролив Дарданеллы, по берегам видны отдельные огоньки. На палубе матросы тихо переговариваются между собой. Тревожный вопрос - знают ли фашисты, что мы вышли из Стамбула или наша маскировка помогла нам? Разные предположения высказываются и думается с тревогой, что впереди? С левого борта на скалах высится крепость Камкале - это выход в Эгейское море в нейтральных водах которого могут находиться итальянские и немецкие военные суда, а также авиация. Идем в территориальных водах Турции прижимаясь к берегу, к счастью глубины позволяют. Становимся на якорь у небольшого Турецкого острова. Снимаем белье, драим палубу, производится уход за техникой. Когда стемнело снялись с якоря и снова в путь в лабиринте мелких островов. Когда проходили около острова Хиоса ледокол буквально прижимался к скалам с опасением, что можно сесть на мель, но все прошло благополучно. Тихим ходом прошли в течение ночи. На утро 2 или 3 декабря бросили якорь в узком проливчике между скал и простояли два дня. Никаких признаков слежки за

за нами не обнаружено. На бортах большие щиты-опознавательные Турецкой республики, на гафеле-турецкий флаг. Это указывало на принадлежность судна Турции, как нейтральной страны. Погода тихая, сухая, сквозь жидкие облака просвечивает луна. Снимаемся с якоря, идем в территориальных водах Турции в видимости берега к которому подступают высокие горы. Утром становимся на якорь в видимости турецкого поста по наблюдению за морем и воздухом. На посту поднимают флаги по международному своду сигналов. Личный состав поста приветствует экипаж судна-так сигнальщик Полещук расшифровал поднятые флаги.

Наверное там уже оповещены все береговые посты о продвижении нашего судна. Капитан приказал поблагодарить личный состав поста.

И вот взылись на фалах "Микояна". Пост ответил флагом "спасибо".

Стоим на якоре, днем идти опасно, все греческие острова рядом с Турцией, оккупированы итальянцами и немцами мимо которых нам надо идти. Время 10.00. С сигнального мостика поступает доклад: по правому борту пеленг 270, пятьдесят кабельтовых итальянский самолет-разведчик!. Самолет летал в международных водах минут 20 и скрылся за горизонтом. Было ясно, что нас обнаружили и попытаются такую добычу ^{не упустить} Итальянцы знали, что это не турецкий корабль, зачем Турции ледокол?, да и 2-х трубных кораблей у Турции не было. День прошел в тревожном напряжении, фашисты могли бомбить и территориальных водах нейтрального государства они попирали все права. Стоять бесконечно в водах Турции нельзя, надо выполнять задание. В сумерках снимаемся с якоря и берем курс на юг. Впереди пролив между греческим островом занятым итальянцами и турецким берегом. В белесой мгле проходим пролив незамеченными и выходим в Средиземное море и берем курс на остров Кипр, где хозяевами являются англичане. К этому времени остров Крит в восточном средиземноморье был оккупирован немцами и там базировалась немецкая авиация, была опасность ее налет на ледокол. Луна закрыта прозрачными облаками, видимость силуэта ледокола явно заметна. Но беда пришла не с воздуха.

Время 22.00. С сигнального мостика идет доклад: по носу вижу три бе

белые точки!. Через несколько минут снова доклад: по носу три торпедных катера!. Вздвигая буруны белой пены катера на большой скорости приближались к ледоколу. По корабельной трансляции раздается сигнал боевой тревоги. На судне никакого оружия кроме двух пистолетов и автомата у английского офицера нет. Матросы вооружились кто чем мог, баграми, ломами, топорами для отражения десанта если будет попытка высадить такой с катеров. Катера уменьшили ход и развернулись на параллельный курс с ледоколом.

Последовал световой сигнал-запрос о принадлежности судна. Последовал ответ: судно принадлежит Турции. Снова световой сигнал: следуйте за нами в Родос /военно-морская база Италии на острове Родос/. Не отвечая на предложение ледокол продолжает идти прежним курсом. Один из катеров приближается близко к ледоколу и в мегафон повторяет приказание следовать в Родос.

Капитан говорит: "еще не было этого, чтобы подчиняться фашистам", а в это время механик-татарин с крыла мостика пытается убедить катерников, что мы турки из Стамбула, а политрук Борковский говорит с нижней палубы: - Хабибулин кричи, мы турки. Несмотря на угрожающее положение матросы ⁶¹⁰прикают со смеху не теряя присутствия духа. Видя, что капитан не подчиняется команде катер отходит от ледокола присоединяется к другим катерам и начинается интенсивный обстрел из мелкокалиберных пушек и пулеметов. Под обстрел капитан по корабельной трансляции обращается кличному составу с краткой речью, вот ее примерное содержание"-настал наш час грозного испытания, фашистские катера с грозным оружием на борту пытаются склонить нас к плену. У нас нет оружия, но мы должны победить, даже смерть наша будет победой. Мужайтесь товарищи, дисциплина и еще раз дисциплина в исполнении команд". Обстрел продолжается, изрешечены надстройки, дымовые трубы, уменьшилась тяга в топках, упало давление пара, замедляется ход. Один из снарядов попал в карбас висевший на талях

пробил бак с бензином, бензин загорелся разливаясь по барказу угрожая перекинуться на мостик. Главный боцман Гройсман несмотря на бешенное пламя с товарищами сумели быстро обрубить концы и сбросить барказ в море. Ранено сигнальщика Полещука и рулевого Рузакова, их отправили в корабельный лазарет. Повреждена корабельная автоматическая телефонная станция, перебиты лучи радиоантенн и они упали на палубу. К штурвалу стал старший помощник капитана, у телеграфа сам капитан. Горящий бензин лижет борт ледокола и остается ярким факелом за кормой. Машинисты и котельщики под обстрелом делают все возможное, чтобы не потерять ход, заделывают пробоины в дымных трубах круговыми пластырями. Мелкокалиберная артиллерия катеров для корпуса ледокола не страшная, но для служб верхней палубы повреждения значительны. Погода как-будто сочувствует, с востока со стороны Турции надвигается черная туча, начинает сеять мелкий дождик, облака плотно закрыли луну, темень сгущается. Обстрел прекращается наверно израсходован боезапас. Не добывшись нашего неповиновения итальянцы решили ледокол взорвать. Опытный капитан понял что катера готовятся к торпедной атаке. Два катера разворачиваются перпендикулярно движению ледокола и выбрасывают торпеды. Две белесые дорожки устремляются к судну и капитан разворачивает ледокол навстречу торпедам и они стремительно проходят буквально у самых бортов. Экипаж представлял себе силу быстрогоходных торпед и готовился к самому худшему. У кингстонов встали коммунисты Калбанов, Улич, Назаратий, они попрощались с верхней командой и ушли в глубину трюма где и должна решаться судьба ледокола. В случае повреждения ледокола торпедами, по команде открыть кингстоны и затопить судно. Каждый мучился сознанием, что не может противопоставить врагу кроме высокой дисциплины в исполнении команд с мостика. В душе у каждого зародилась тревога за исход этого беспримерного поединка между безоружным судном и вооруженными таким грозным оружием катеров. Умереть нелепой смертью пережить было тяжело тем более в чужом море. О спасении в случае трагического исхода не могло быть и речи, никто ни словом не обмолвился о спасении тем более о возможности пленения, а катера выжили на

о спасении, а катера вышли на исходные позиции. И вот первая атака не удалась, ледокол снова взял курс к турецким берегам. После неудачной торпедной атаки первого катера в атаку пошел второйно благодаря своевременному маневру торпеда прошла за кормой.

Катера наверно израсходовали весь боезапас и удалились, но капитан считал, что это еще не конец и нужно быть бдительными и принять все меры к увеличению хода и достичь территориальных вод Турции, а в случае нового нападения может представиться случай спасения в водах Турции. Долго не пришлось ждать, наверно катера вызвали на место боя авиацию. Послышался гул моторов и вот заход за заходом начали обстрел ледокола из мелкокалиберных пушек и пулеметов. Трассирующие пули роем сыпались на палубу и вокруг ледокола снова нанося новые пробоины в надстройках. Один из торпедоносцев сбросил торпеду, но она в цель не попала где то ушла в стороне от ледокола, второй самолет ограничился обстрелом, сброс торпеды не замечен. А ледокол насколько возможно "полным ходом" шел к турецкому берегу. Вот показались на фоне темного неба высокие горы. Мы спасены благодаря мужеству и выучки личного состава. Самолеты улетели, катеров не видно, "Бой" с противником выигран, оружием нашим были сплоченность и ответственность за выполнение задание Родины.

Меняем курс на юг вдоль турецких берегов. Наступает хмурое утро идет дождь, видимость ограничена, ледокол берет курс на запад к острову Кипр. К вечеру видим огоньки Фамагусты-военно-морской базы Англии на острове. Навстречу идет военный катер, походит к борту и на борт сходят английские офицеры, они говорят: "у вас счастливая звезда, что прибыли невредимыми, а это удача, так как после занатия немецким десантом острова Крит с его аэродромов постоянно в восточном средиземоморье баражируют немецкие самолеты, но, наверное, погода не позволила вас обнаружить. Они еще не знали об испытании, которые мы выдержали и только после рассказа и осмотра удивлялись как нам удалось выйти целыми из этого беспримерного боя.

Старший группы офицеров прибывших на ледокол обратился к ^{своим} офицерам со словами: "господа офицеры, учитесь у русских воевать"!

После переговоров было решено ледоколу идти в Хайфу /английская военно-морская база в Палестине/ где ему нужен большой ремонт, а условия для этого в Хайфе были.

Утром 4 го декабря в сопровождении английского корвета ледокол вышел с Фамагусты. Для сокращения опасного пути мы направились к ливанским берегам. На траверзе ливанского порта Бейрут поворачиваем на юг вдоль берегов Ливана.

5 декабря прибыли в Хайфу, в хорошо оборудованную гавань, просторная, отгороженная от моря бетонным молом она могла принимать много больших судов у своих причалов. На молу зенитные батареи и пулеметные установки для защиты от авиации фашистов. Наш ледокол отшвартовался у внешнего мрла кормой на расстоянии 50 метров и дополнительно опустил якоря по носу. Сразу же отгавани с подъемом на невысокие горы начинается город. Мы вошли в гавань под советским красным флагом, поэтому сразу привлекли внимание работников порта, горожан и экипажи судов стоящих у причалов, многие приветствовали помахиванием руками и кешками. Команды из стоящих рядом судов вышли на палубы и наблюдали за нашими действиями как на экзотическое судно.

На ледоколе шла обычная размеренная жизнь. Многие уже знали, что нас "потопили" итальянцы, так они сообщили по радио, но об этом позже.

Команда готовилась к большому ремонту. Нужно было заделать все пробоины в надстройках, трубах, произвести покраску и главное отремонтировать котлы и машины.

Через пару дней прибыла группа рабочих с соответствующим оборудованием и инструментом для обеспечения быстрого ремонта. Были потушены все котлы, кроме вспомогательного для обогрева кубриков и приготовления пищи. В связи с возможностью диверсионных актов личному составу ледокола нужно проявлять особую бдительность. Полицейские-арабы и дежурные по ледоколу тщательно проверяли сумки с инструментами, которые носили с собой рабочие, чтобы не допустить на ~~судно взрывчатых веществ или другие устройства.~~

проноса на судно взрывчатых веществ или других устройств. Нас предупредили, что изобретены такие пластины, которые ложатся на швелера, бимсы в незаметных местах на металлические поверхности и они во время качки перемещаются и в результате трения загораются вызывая пожар. Под особым наблюдением были места хранения шакли, смазочных материалов

В этом порту мы узнали радостную весть. С большим ликованием мы было встречено сообщение Совинформбюро о разгроме немцев под Москвой. Нас поздравляли рабочие, работавшие на ремонте корабля. На борт прибыли представители городских и портовых властей, чтобы поздравить с этой исключительно важной победой и обещали ускорить ремонт. По оценкам специалистов-англичан ремонт будет продолжаться около 2-х месяцев. Экипаж это не устраивало и решили не считаясь со временем, работать сколько есть сил, закончить ремонт за 4-5 недель.

За время стоянки в порту экипаж имел возможность познакомиться с городом, с жизнью людей, обычаями. В городе в основном живут арабы, евреи, англичане и представители других западноевропейских стран в основном эмигрировавших в связи с фашистской оккупацией. Много евреев из России эмигрировавших еще до революции и во время гражданской войны. Они также радовались победе Красной армии под Москвой, но ошупывали наши костюмы и качали головами: "все в таких же одеяниях" /знали бы они какую форму мы носили-лучшую в мире/. Нас приглашали посетить еврейские "коммуны" в сельских районах. В одной из таких мы побывали. Все носят одинаковую форму-синие шаровары, белая блуза, на ногах сандалии. Готовили почву под новый урожай при помощи лошадей и плуга, а также мотыг. Общая для всех столовая, готовят вкусные блюда.

Если нужно комуто в гости или встретиться с девушкой получают выходную одежду в кладовой, а затем сдают. Члены коммуны гордятся своей коммуной и говорят, что у них выше организация чем в наших колхозах. Мы не спорили уважая хозяев, но впечатление осталось такое, что как личности в коммуне нет. Распрощались дружелюбно.

Наша делегация посетила Иерусалим, город паломничества, своеобразный арабский город. Узкие улицы, воздушные переходы из дома в дом через улицу, на улицах много ишаков /основной вид грузового транспорта/.

Осмотрели мощи Иисуса Христа, сделано все очень правдоподобно. И в Иерусалиме и в Хайфе много лотков, в которых продают слезы Иисуса и пучки волос. Мы представили себе сколько же это было волос у Иисуса, когда этих пучков и пузырьков со слезами тысячи, но паломники верят и покупают. Побывала наша делегация и на "Мертвом море". Мы не купались хотя вода была не холодная, но видели как купальщики в буквальном смысле слова сидели на воде, такой плотный был солевой раствор. По озеру ходит маленький парходик, говорят если его спустить в обыкновенную воду, он утонет. Мы пытались разглядеть у берега какой-нибудь животный мир, но ничего не увидели, а местные жители говорят, что в этой воде есть живые существа. С интересными впечатлениями возвратились мы на свое судно и долго делились ими с теми, кто не был в поездке.

Прошло около 3-х недель стоянки в порту. Возникла необходимость пополнить запас пресной воды, а возможности доставить воду баржой не оказалось, поэтому было решено подойти к одному из причалов и заполнить судовые емкости, что и было сделано. Ледокол к причалу доставляли буксирами. После забора воды те же буксиры должны были отвести ледокол на прежнее место стоянки. Но за это время на наше место был отшвартован танкер "Феникс" с десятью тысячами нефти на борту. Нам предложили стать рядом, но наш капитан категорически отказался стать на новое место. Руководителям порта пришлось удовлетворить требование и танкер был перемещен на 50-60 метров и оказался у нас с правого борта.

В один из дней перед новым 1942 годом, часть лингосостав готовилась к посещению города. В 14.00 увольняющиеся выстроились на палубе. Какое -ни-какое обмундирование полученное в Батуми, но тщательно проверено, чтобы было отглажено, аккуратное и чистое. В этот момент примерно в 14.29 прогремел страшной силы взрыв. Мгновенно все завалено белым дымом, такой плотности, что не видно ни

все заволочло белым дымом такой плотности, что не было видно кисти протянутой руки. Вся команда в недоумении, что могло случиться? Ледокол потрясла ощутимая вибрация и более никаких последствий взрыва не было. Но вот через несколько минут дым рассеялся и нам представилась ужасная картина. По правому борту, где нам предлагали место после забора воды был разломан пополам танкер "Феникс", который ушел с нашего места. Корма и нос были задраны вверх, а середина вся была в воде. На поверхности воды образовался толстый слой нефти, в которой барахтались люди. Никто не пытался спасти людей, только наши моряки быстро спустили на воду оставшийся баркас, подобрали людей и отправили на берег. В средней части танкера алел небольшой огонек, но никто к танкеру не подходил и не тушил, а огонек превращался в огонь и уже весь танкер был окутан черным дымом. Рядом с ним стоял танкер под норвежским флагом, команда этого танкера по швартовым канатам поспешно выбиралась на мол, бросая танкер на произвол судьбы. А пожар все усиливался, занимая все большую и большую площадь. Ледокол оказался почти в полуметровом слое нефти. С усилением пожара поднялся сильный ветер и гнал пламя на ледокол. Необходимо было принимать срочные меры для спасения судна. Видя такую ситуацию капитан и комиссар на своем карбасе пошли к буксиру и просили его капитана отвести ледокол в безопасное место, но там запросили огромную сумму и сослались на занятость. Свёго хода ледокол не имел так, продолжался ремонт, а огонь приближался к судну. Переговоры были прекращены, капитан и комиссар вернулись на судно и решили спасаться своими силами. В несколько минут был поднят шар на вспомогательном котле и подан на якорные лебедки и начался выбор якорей, а в это время были уже обрублены кормовые швартовные канаты. Ледокол медленно, но уверенно продвигался вперед.

А в это время буквально вся команда боролась с огнем, который уже лизал надстройки и особенно цистерны с соляной и бензином. Матросы и старшины, пренебрегая опасностью, кошмами сбивали

пламя загорающейся краски поливая водой с чего только можно. Вот уже большая часть судна вышла из зоны огня, а цепи еще не выбраны и есть надежда, что выйдет из зоны огня все судно. Так оно и получилось, капитан как будто предусмотрел выбор ^{оп}якоря на полную длину якорных цепей, в результате чего и пришло наше спасение. Долго еще бушевал огонь в гавани, сгорели два танкера брошенные экипажами. На молу погорели зенитные установки, от взрывов снарядов слышалась сплошная канонада. По счастливой случайности ветер дул с берега и гигантский факел вместе с нефтью выходил в море. В борьбе с огнем особенно отличились главный боцман Гройсман, боцман Морозов, матросы Земляной, Саенко и много других матросов. Ни один с советского судна не дрогнул, ни один не бросился спасать себя. На берегу с началом пожара собралось много народа и наблюдали за действиями наших моряков. Вздых облегчения и приветствия мы выслушивали после выхода в безопасное место. После пожара мы беседовали с некоторыми матросами из сгоревших танкеров. На вопрос почему они не спасали свои суда? — они отвечали: зачем рисковать?, суда не наши, сегодня на одном, завтра на другом, пусть плачут капиталисты. У вас другое дело, все ваше и вы как фанатики рисковали жизнью. Что возразить против этого аргумента?.

Работы команде прибавилось. После покраски снова скребки, снова покраска, замена где это нужно деревянной обшивки. Идет к концу ремонт машин и котлов. К новому году ремонт закончен несмотря на прогнозы англичан, что ремонт займет не менее 2 х месяцев если не больше.

Кочегары зажигают топки, доводят пар до марки, прокручиваются машины, проверяется такелаж. На ледокол прибывают три английских матроса и два пехотинца. Матросы — два сигнальщика и один радист, пехотинцы для обеспечения работы аэростата-гондолы на лебедке с 400 метровым тросом против самолетов противника. Дело в том, что на острове Крит занят ^{7/44} немцами базировался их аэродром и они постоянно вели наблюдение за морскими коммуникациями в восточной части Средиземного моря, а нам нужно идти к Суэцкому каналу.

ОТ ХАЙФЫ ДО СУЭЦА

Второго января 1942 года "МИКОЯН" отдаст швартовы и выходит в море курс на Порт-Саид в Египте, у входа в Суэцкий канал.

Обстановка в мире и в частности на море все больше усложняется. 7 декабря 1941 года ^{Япония} нанесла сокрушительный ^{удар} по американской военной морской базе Пирл-Харбор в Тихом океане, война бушует и в Атлантике и на Тихом океане.

В предыдущих строках было описано четыре маршрута доставки ледокола на север, но теперь тихоокеанский маршрут отпадал. В такой обстановке принимается самый длинный маршрут: -Суэцкий канал-Индийский океан-Атлантический океан-Магелланов пролив-Тихий океан-Берингово море-Северо-морской путь-Мурманск или Молотовск. Идем в видимости восточных берегов Средиземного моря. На сигнальном мостике два сигнальщика-англичанин и наш. Бдительное наблюдение за морем и воздухом, так, как могут появиться не только самолеты, но и подлодки противника.

На баке поднята гондола на 400-сотметровую высоту, что обеспечило невозможность прицельного бомбометания мешая держать курс по диаметральной плоскости судна.

Матросов англичан поместили в одной каюте с пишущим эти строки. Это были молодые ребята из простых английских семей, Проктер, сигнальщик из семьи клерка, сигнальщик Томми из семьи Лондонского докера, радист Падды из семьи текстильщика г. Глазго. Офицер-командир группы обеспечения Роджерс, прибывший на борт еще в Стамбуле, имел отдельную каюту и гордился тем, что является каким-то дальним родственником королевы Елизаветы. Пехотинцы также имели отдельную каюту. Эти уж были настоящими аристократами, смотрели на нас и даже на своих соотечественников свысока. Спать ложились только в шелковых пижамах, утром, идя умываться, несли с собой поднос с различной парфюмерией-разные кремы, мази, мыло для рук, мыло для лица ит.д.

Когда мы спросили их, а как же было-бы если бы пришлось неделями сидеть в болотах по условиям военной обстановки? Они охотно отвечали: Нам такая война не подходит, наша цель скопить денег и пос-

ле войны открыть свое дело. Вот и вся мораль.

У каждого матроса, как талисман открытка с факсимиле короля Георга VI и королевы Елизаветы. По совету портовых властей на судно был взят переводчик. Еврей по национальности, он по его рассказу в 1932 году отстал от советского судна и остался в Палестине, нашел работу, женился на еврейке имеет сына, а сейчас направляется в Южную Африку в поисках счастья. Его, жену и ребенка поместили в бывшую шифровальную комнату рядом с радиорубкой и каютой капитана.

Присутствие на бывшем боевом корабле молодой, стройной, красивой женщины с большими черными глазами, как-то подтянуло весь экипаж, не увидишь неряшливо одетого или не бритого, а эта дама выходит на ботдек в портах в прозрачной блузке без бюстгалтера в "Золотых" туфельках—есть на что заглядеться.

Погода стоит отличная, теплая, море спокойное. Все свободное время от вахт матросы проводят на палубе, тоже наблюдают за морем, посматривают на ботдек где прохаживается или сидит в кресле "амазонка". Выходя на палубу все одеваются аккуратно. В Хайфе всем членам экипажа выдали по 20 фунтов стерлингов для покупки кое-какой одежды и кто в складчину, кто самостоятельно в городе купили самое необходимое. Я купил недорогой, но приличный костюм и белую бобочку. С бобочкой произошел конфуз. После нескольких дней носки воротнику потребовалась стирка и я как обычно налил в тазик горячей воды замочил бобочку оставил на ботдеке, а сам ушел в радиорубку на вахту. После 4-х часовой вахты решил произвести стирку. Какое же было мое удивление, когда я увидел в тазике белое молоко. Пошерил руками но бобочки не было, подумалось кто то подшутил, тут подошел переводчик и смеясь сказал: "это японское изделие на один раз носки поэтому такое дешевое и не подлежит стирке, а если хочешь постирать, то только в очень холодной воде. Смеху было много из-за этой стирки. Оказывается не удного меня такая история со стиркой. Бобочка изготовлена из бумажного материала и шита такими же нитками, поэтому и остались в тазике только две пуговицы.

Ледокол идет полным ходом, машины работают на полную мощность, приближаемся к Порт-Саиду. Перед глазами выплывают ломаной горизонтальной линией в мареве очертания строений. Подходим ближе и возникают очертания многоэтажных белых домов. Местность равнинная и за передними высокими домами самого города не видно. Бросаем якорь у входа в канал, красный флаг большого размера полощется на гафеле.

Через несколько минут ледокол окружают десятки лодок и лодочек, в лодках парни и пожилые арабы все в шортах, многие даже без рубашек. Девушки прилично одеты предлагают себя, показывая движениями тела все свои прелести. Переводчик поясняет, что это почти все проститутки.

Мужчины стараются, что-то продать из различных сувениров и легкой одежды, каждый хочет заработать монету. Египет является английской колонией и местное население арабы использовались как дешевая рабочая сила для Великобритании, но еще и не каждый мог найти себе работу, поэтому и промышляли, кто чем мог. Поднятием рук мы приветствуем любопытных и "продавцов", на лодках смелеют подходят к борту, слышатся возгласы: рашен окей! гут! вери, вери матч! Москау гут!.

Мы конечно ничего не покупаем, выданные в Хайфе фунты израсходованы. Продавцы огорчены, что мы ничего не можем купить и потихоньку уходят от борта.

В Порт-Саиде долго не задерживаемся, установлена радиосвязь с местной военной радиостанцией на случай необходимости. Снимаемся с якоря и берем курс в Суэцкий канал. Английское командование предупредило о возможном налете немецкой авиации поэтому нужно быть бдительными.

Суэцкий канал сооружение XIX века, соединены Средиземное и Красное моря. Канал самотечный, никаких гидросооружений нет. Длина самого канала 115 километров и три озера-Талсах 5 километров, Большое Горькое 20 километров и Малое Горькое 5 километров. Ледокол имеет большую осадку, поэтому мы идем медленно, фарватер узкий можно сесть на мель. По правому борту высится высокий обелиск в память 100 тысяч арабов умерших

сячам арабов умерших во время строительства канала.

Идут встречные суда, поэтому одному судну надо пришвартовываться к берегу, чтобы встречное ^{можно} безопасно пройти, на это уходит много времени. Подходим к концу канала и сразу чувствуется сильное встречное течение, так, канал в этом месте не очень широк. Становимся на якорь на рейде египетского порта Суэц в Красном море, для пополнения запасов угля. Можно было погрузить уголь механизмами, которые имелись на причалах порта, однако сославшись на мелководье англичане решили грузить нам уголь с барж, да и стоимость будет дешевле.

Были подведены баржи с углем с обеих бортов и на них около сотни рабочих с плетеными корзинами, одетых в трусики или просто в набедренные повязки вроде полотенцев завязанных сзади тесемками.

С барж на борт перекидываются сходни и на борт сходит англичанин надсмотрщик, омотрел трюмы и дал команду начать погрузку. Часть рабочих поставлена на загрузку угля в корзины, другие потоком несут корзины на судно и высыплют в трюмы. Надсмотрщик наблюдает за четким ритмом, никаких задержек не допускает. Все рабочие как на подбор - сухое тело, смуглые до черноты, руки ноги торс как будто собраны из одних мускулов. С 08-00 до 12-00 никакой передышки не допускаются, пить воду нельзя. Некоторые не выдерживают наклонятся с низко осевшей баржи и смачивают во рту соленой водой.

Жалко смотреть на людей изможденных жаждой и наши матросы с чувства жалости выносят воду и угощают, но рабочие пьют не более одного двух глотков боясь наказания. Надсмотрщик недоволен и объясняет, что пьющий воду уже не работник, но мы могли себе позволить угощать водой на своей территории. Поскольку наше судно для надсмотрщика чужая территория, он не имеет права проводить экипацию, ну а на барже в ход идет и хлыст. В 12.00 перерыв на ритуал молитвы после которой объявляют вся прием пищи у кого, что есть.

Основная пища фрукты и еще какая то жидкость в ведерках из консервных банок. С этими же ведерками рабочие ходят в туалет.

Наши матросы делились с рабочими хлебом, вареной пищей, компотом. Они удивляются, но берут и жадно едят. Это для них непривычно, что к ним так относятся чужие люди с судна с красным флагом. Работать им еще шесть часов, поэтому много пьют воды. У многих матросов купивших в Хайфе одежду остались выданные в Батуми костюмы, рубашки их отдали более молодым рабочим, с опаской но берут примеряют, остальные удивляются: что за люди? как они хорошо относятся к арабам! Все рабочие неплохо владеют английским языком. Через переводчи объясняем, что такое Советский Союз, что в нем живут многие национальности в дружбе и согласии. По их лицам видим, что нам мало верят, да и трудно им верить в это неграмотным и забитым. Матросы устроили для скопившихся на палубе рабочих маленький музыкальный концерт, кто-то сплясал "яблочко", которое вызвало общее восхищение, общие возгласы - вери найс! вери найс! окей рашен!. Но вот 13.00 и начинается изнурительная работа. Раньше расчетного времени погрузка заканчивается, солнце идет к закату. Подходит буксир забирает баржи с рабочими. Все стоят, смотрят на удивительное судно под красным флагом и экипаж, который принимал их как равных. Несмотря на теплень многие переодеты в подаренную одежду.

Наверно они никогда не забудут этой редкой встречи и непонятной для них с советскими людьми. Темнеет, буксир с баржами удаляется, а рабочие все машут руками и наши матросы отвечают тем же.

На другой день стоянки на рейде порта Суэц к борту подошел буксир, который доставил пушку образца 1905 года. Лучшего у англичан не оказалось. Пушка калибра 75, угол возвышения 15 градусов "противолодочная", прицельных приборов нет, наводка по стволу, боезапас 15 снарядов. Мы "вооружены"! Установили пушку на баке, сформировали артиллерийскую команду и начались тренировки.

Снимается лебедка и гондола, вместе с пехотинцами погружаются на буксир. Команда тепло прощается с солдатами. Несмотря на малое время совместного плавания, они полюбили наш экипаж за товари-

щество и доброжелательность. "Теперь мы знаем, какие люди живут в России" прощаясь говорили нам солдаты. Улетучилось высокомерие, особенно их поразило наше отношение к рабочим-арабам грузившим уголь, даже надсмотрщик был удивлен, ему часто приходилось участвовать руководителем погрузки на суда, многих стран, но такого отношения к рабочим - арабам не видел..

Во время стоянки в Суэце, часть экипажа совершила экскурсию в Каир-столицу Египта, к египетским пирамидам и сфотографировались на их фоне.

После пополнения снимаемся с якоря и берем курс на Аден расположенном на юге Аравийского полуострова. Красное море спокойно, вода обычная как и во всех морях, но перед закатом солнца преображается. Плыдем как по крови, мириады микроскопических существ под закатными лучами превращают воду в кровавое месиво, зрелище потрясающее. С левого борта видны горные массивы Аравийского полуострова. Входим в Баб-эль-Мандебский пролив. С сигнального мостика слышится команда: по носу 50 кабельтовых неизвестное транспортное судно! насторожено "сближаемся, наши "артиллеристы" занимают посты у пушки. С приближением судна сигнальщики опознают флаг, на встречном, наверное, тоже опознали советский флаг, потому, что почти одновременно на фалах заполоскались флаги международного свода сигналов. Экипажи приветствовали друг друга, на фалах новые сигналы: счастливого плавания! и корабли расходятся в разные стороны, мы на Аден, английское судно на Суэц.

Прибываем на рейд Адена-английской военно-морской базы на Аравийском полуострове. Навстречу устремляется катер с морским офицерами на борту. Бросаем якоря, взаимные приветствия и катер уходит в порт. Через некоторое время к борту подходит другой катер и причаливает к спущенному трапу. На борт поднимается высокий чин со свитой. Члены команды чуть не прискают со смеху, на переднем фуражка с высокой тульей и виньетками, на белом кителе пого-

ны и аксельбанты, а дальше белые шорты и голые тонкие ноги в рыхлых волосах и сандалии. Такой формы мы еще не видели. По всем правилам отдаются почести и вся свита отправляется в каюту капитана. Через час английские офицеры покидают борт ледокола.

Стоим на рейде несколько дней и начальство базы разрешило членам экипажа посетить город. Аден состоит из двух частей - новый Аден засроен белыми котеджами, где живут англичане - работники базы и офицеры.

За городом на горе красивая башня с часами. Больше ничего примечательного кроме башни в городе нет.

Старый Аден расположен в трехчетырех километрах восточнее. Здесь живет арабское население и другие национальности тропического пояса. Город с трех сторон окружен горами и сколько видно вверх и вверх ступенями расположены жилища - лачуги. В центре имеются большие дома, мечети с высокими минаретами. Особенно нас поразили арабский базар, чего только на нем нет. Здесь под тенью навесов и жарят и шкварят и тут же покупатели ^{сидят} сидя прямо на брусчатке. Имеются редкие лотки, в основном весь товар расположен на земле - различные поделки, чеканка, кинжалы, красочные наборы различных тканей и прочее.

Женщины ходят в длинных платьях, у многих лица закрыты по глаза белой или черной тканью - это арабки. Женщины других национальностей ходят с открытыми лицами. Мужчины ходят обычно в шортах и сандалиях, немногие в халатах и в чалме на голове.

Подходим к одному из навесов, под ним несколько длинных скамеек, на которых плотно сидят мужчины. На возвышении стоит медный начищенный прибор напоминающий самовар, от него идет резиновый шланг оканчивающийся наконечником из кости или другого какого материала.

Хозяин макает наконечник в жидкость и поочередно за мелкую монету дает его клиенту, тот сует в рот наконечник, хозяин поворачивает краник, в "самоваре", что ^{то} булькает и клиент делает несколько затяжек и наконечник отбирает хозяин, снова макает в жидкость и передает следующему клиенту. Оказывается этот прибор "кальян", а вдыхает

хают из него опиум. После вдыхания посетитель выходит веселый и что-то распевает. Нашлись и добровольные переводчики, которые объяснили, что это средство используется вместо спиртного. В городе легально действуют дома терпимости разрешенные властями. По колониальным правилам араб не может жениться не имея 100 фунтов сбережений в банке, а такие сбережения не всем молодым мужчинам по-плечу, вот и справляют свои любовные утехы в таких домах. На приглашение "переводчиков" посетить такой дом мы, конечно, отказываемся и просим провести в музей если есть таковой в городе.

Наши "переводчики", один югослав другой болгарин за мелкую монету согласились провести нас в музей. Говорили они по русски не очень хорошо, но понять все можно. На вопрос как они попали в Аравию отвечали - жизнь заставила, они сами бывшие моряки. И вот один из музеев. Приличное здание, просторное, под стеклами в нишах оружие, кинжалы, чеканка, различная одежда разных времен, деньги всех стран мира металлические и бумажные, несколько монет царской России. Советских денег ни одного экземпляра. Обещаем работнику музея, если найдутся деньги на корабле доставит в музей, он благодарит за такую любезность и ведет нас к легендарному колодецу, который выкопан еще в XVI веке, глубина его около 300 метров. Как его копали мы не поняли. Рядом горка камушек специально приготовленных. Покупаем камушек, бросаем в колодец и прислушиваемся, только через несколько секунд слышен всплеск. Нам дали мощный круглый электрический фонарик, но луч его не достиг до воды. Говорят его несколько раз чистили, так как охотников бросать камушки много и засоряли колодец ну и музею соответственно доход за продажу камешков.

Время увольнения истекало и мы направились на судно. Обещание музею на другой день выполнили. После тщательных поисков нашлись одна, две, три, пять и 20 копеек и бумажный рубль. На другой день с другой группой деньги были отправлены в музей.

~~На другой день с другой группой мы направили эти деньги в музей.~~

Ребята сообщили нам, что работники музея очень благодарили за подарок и при них положили деньги под стекло на красном бархате и сделали надписи на арабском языке. Многие из членов экипажа посетили этот музей и принимали их, как самых дорогих гостей.

Стоянка ледокола в Адене подходила к концу. Были сведения как будто бы немецкий рейдер и подлодки заходили к восточному побережью Африки. Но сейчас спокойно и можно отправляться в путь, командование базы и капитан решили больше не задерживаться.

ОТ АДЕНА ДО КЕЙПТАУНА

Снимаемся с якоря и берем курс на порт Момбаса на восточном побережье Африки, нас провожают два английских военных катера. Сигнал с катеров: "счастливого плавания"! Мы отвечаем: "спасибо" и вот ледокол один в открытом океане. Воздух влажный, поэтому душно, в тени выше 30 градусов Цельсия. Очень тяжело кочегарам, так как принудительной вентиляции нет, свежий воздух поступает в котельное отделение только через палубные раструбы повернутые горловиной в сторону движения судна, а так как ход судна небольшой, то и поступления свежего воздуха малое. Переводчик нам говорил, что наше первое судно отказавшееся от наемных кочегаров-арабов в тропической зоне, насколько это верно не проверяли. В океане полный штиль, на горизонте то там, то там возникают фонтаны воды или целые группы фонтанов, это кашалоты захватывают с водой живность, а затем воду выталкивают из ротовой полости через отверстие в голове. Одного кашалота чуть не задела носовой частью судна. Весь день над палубой проносятся в одиночку или целыми стаями небольшие серебристые рыбки, некоторые падают на палубу и через несколько минут умирают если не заметили и не бросили в воду. Вот неожиданно-негадано появляется небольшое облако, на глазах оно разрастается до больших размеров и вдруг низвергается водопадом, вода не успевает скатываться с палубы и стоит сплошным покровом толщиной 10-15 сантиметров.

Через несколько минут снова сияет солнце и палуба сухая. После такого ливня духота ужасная, воздух насыщен парами и даже дышать тяжело, а тело как-будто горит. • Чтобы освежиться, для членов экипажа механики устроили палубный душ, сварили из труб с небольшими отверстиями и под давлением подавали в трубы заборную воду, фонтанчики перекрывая друг друга создавая водяную завесу под которой освежались матросы, особенно любили нежиться^н сменившиеся кочегары и машинисты после тяжелой вахты на своих постах. У радистов были свои трудности. В тропической зоне очень сильные атмосферные разряды, поэтому мы получали с трудом сообщения ТАСС только в телеграфном режиме на коротких волнах и не всегда полностью из-за атмосферных помех. Поэтому садились на прием два-три радиста, а затем корректировали. Но известия для экипажа поступали ежедневно..

Мы знали, что положение на фронтах очень тяжелое, наши войска с боями отходили в глубь страны в южной самой важной в экономическом значении. Враг у стен Севастополя, рвется к Кавказу, занят Донбасс, направляет удар на Сталинград. У каждого на душе тревога за судьбу Родины. Мы также знали, ^{из} с Америки через Дальний Восток и северным морским путем идет материальная помощь, а северному пути нужен мощный ледокол, который еще только в Индийском океане. А сколько еще нужно пройти?, а, что впереди?, какая опасность нас подстерегает?. У многих на оккупированной территории остались родители, жены, дети, невесты и никакой весточки о их судьбе. Собираясь на палубе матросы обсуждают положение на фронтах, жалеют, что находятся далеко от мест сражений, хотя понимают, что выполнение задания Государственного Комитета Обороны тоже фронт в опаснейшей обстановке.

Но и ^в такой удручающей обстановке матросы не были лишены юмора.

В одной группе слышится раскатистый смех, матрос Морозов ведет рассказ: - вот наш уважаемый вестовой капитана Степаненко несет ему борщ, да не на подносе, а держит тарелку в руках, несет погрузив большие пальцы в борщ. Капитан как увидел, так и ахнул: - Степаненко, что вы делаете? ведь пальцы в борще!. А Степаненко так

это вальяжно отвечает: товарищ капитан, так борщ не горячий! Степаненко улыбается—так поднос закрывает дорогу, а тарелка нет.

Морозов продолжает рассказ:—а вот у нас на крейсере "Красный Кавказ" случай был. После больших учений мы стояли на Евпаторийском рейде. "Красный Кавказ" и "Чернава Украина" отлично провели стрельбы и нам объявили, что корабль должен посетить нарком военно-морского флота Николай Герасимович Кузнецов. Команда к этому событию готовилась как к празднику, все надраено, форма выглажена, все готово к встрече. На корабле было много новичков только с учебного отряда, еще не овладевшие настоящей морской жизнью. И вот к трапу подходит катер с вымпелом наркома, команда выстроена по большому сбору. Нарком обошел строй, поздоровался с краснофлотцами, поблагодарил за отлично проведенные учения. После этого вместе с командиром корабля направился посмотреть как живут матросы. Спустился по трапу ~~туда~~: в носовой кубрик, где помещались сигнальщики и радисты.

Дневальным был молодой краснофлотец, прибывший на корабль только перед учениями. Заходит нарком в кубрик и видит стоит у пилерса краснофлотец с повязкой дневального на руке и не шевелится.

Нарком спрашивает:—кто такой? краснофлотец отвечает:—дневальный краснофлотец Козий! нарком говорит:—здорово!, а краснофлотец спрашивает:—а вы кто такой, а краснофлотец отвечает:—тоже здорово!. На палубе сплошной хохот, а Морозов продолжает—сказал и подает руку наркому.

Морозов говорит, что это сам нарком рассказал на встрече с командой, сбравшейся на баке для неофициальной встречи. А этого Козия наказали, кто-то спросил из матросов. Нет не наказали, только посмеялись над находчивостью салаги. Так в "дискуссиях", разговорах проходили свободные часы экипажа.

По трансляции штурман Марлян объявил, что будем переходить Экватор. Все кто был свободен от вхты вышли на палубу, но были и такие, кто спал и не был разбужен товарищами. Какой жалкий вид был у машиниста Лебедева—циркача не видевшего этого события.

он спрашивал-, а как он экватор? -А это такой водяной вал, разве ты не ощутил, когда ледокол через него переваливал? смеясь объясняли ему матросы., но он понял, что матросы подшучивают.

Конечно, торжеств с участием "нептуна" и купания не было, всем впервые пришлось переходить экватор, да и общая обстановка в стране и в мире не располагала к торжествам, но у каждого в памяти остался момент перехода с северного полушария в южное, где господствовало лето, был конец января 1942 года. В течение похода не прекращалась учеба, регулярно проводились политические занятия, изучение техники. На репетиции собирались члены кружка художественной самодеятельности. С интересом англичане наблюдали за занятиями кружка. У них тоже на кораблях развлекаются матросы игрой в кости, полупарнографическими журналами, кинофильмами такого же пошиба и боевиками, а такого как у нас нет. Беседы на политические темы они обходят- политик! но! Если и вызываем их на разговор, то они оглядываются, чтобы не услышал их командир Роджерс. Черчилля можно критиковать, но короля или королеву боже упаси, за это может быть виселица, это боги на земле. Мы учимся у них разговорному английскому языку, они русскому, образование у них не более семи классов, алгебру почти не знают. Русский язык дается им трудно, одним словом много понятий, у них проще. В разговорах помогают мимика, жесты и конце концов приходим к полному пониманию друг друга. Питаются англичане с общего котла, но традиционная овсяная каша на завтрак должна быть, но к сожалению на судне крупы овсяной не было и это их удручало. Мы говорили о нашем государственном устройстве, что в Верховный Совет избираются рабочие, крестьяне и служащие, если заслужить доверие у народа, они не верят, что лечение совершенно бесплатное, а также образование. Мы знали об Англии многое, они о нас буквально ничего, зато знали-русские-медведи, безбожники и все дикое. Но вы убедились, говорили мы им, что русские такие же как ивы? Постепенно их взгляды менялись и убеждались

в доброжелательности русских парней. Военная форма английских матросов не привлекательна, вместо тельняжки белая рубашка без воротника с синей каймой у ворота, брюки шерстяные синие глажены в поперечные складки штанин, ленты на бескозырке не развеваются, только вокруг околыша. /О смешном инциденте с формой ниже /.

На ледоколе было три кинофильма. Особенно запомнился "Ромео и Джульета", его крутили десятки раз и вперед и назад. Особенно много смеху было когда крутили назад. Краснофлотец Федулов любимец команды киномеханик и радист - трансляторщик не отказывал, когда матросы просили: ану Сережа давай Ромео назад и Сережа крутил.

Ледокол полным ходом идет на юг. По трансляции объявили: скоро в видимости будет город - порт Момбаса. Берег темнеет зеленой массой и город открывается только при непосредственном подходе к нему. Высоких зданий нет, сплошная зеленая стена в просветах которой видны белые одно и двухэтажные дома, везде пальмы, пальмы.

Место равнинное, поэтому нельзя определить размеры города. Становимся на якорь, к судну подходит катер с администрацией порта. Идут переговоры о пополнении продовольствия, в действие вступает наш переводчик, он же за шипшандера /снабженец/.

Администрация порта разрешает команде посетить город, до этого ни одно советское судно не посещало порт Момбаса, поэтому судно под красным флагом привлекло на причал большую толпу людей.

К ледоколу начали подходить маленькие лодочки с любителями посмотреть на русский корабль вблизи и все посматривали на красный флаг. Нас предупредили, что в город нужно отправляться в широкополых белых касках во избежание солнечного удара. Таких касок было доставлено на судно штук полсотни и часть команды отправилась в город. Жара невыносимая, на море еще кое-как, а на берегу буквально задыхаешься. Город небольшой, но много магазинчиков с широкими дверями, чтобы расхаживать в широкополых касках.

Из нашей команды было много рослых ребят и им досталось в городе. Люди там не высокие и не рассчитав задевали то по лицу, то по шее и натерли кромками касок до красноты. У самой окраины небольшого города большие плантации кокосовых пальм. Мы наблюдали, как аборигены здешних мест срывали орехи с пальм. Голый только в набедренной повязке мужчина скрепляет ноги лентой, затем берется за ствол и прыжками за какую-то минуту уже на тридцатиметровой высоте, отрубает орех, который падает на землю, затем также опускается и собирает их в кучу. Для раскрытия ореха используют кривой нож, который мгновенно разрубает в нужном месте и пей холодное, вкусное кокосовое молоко. Мы попытались расщепить орех, но ничего не получилось. очень уж крепкое сплетение растительных волокон и нужно точно направлять удар ножом, без умения не расщепишь. На ледокол доставили много кокосовых орехов и мы их разрубали топором, некоторые по 4 - 5 килограммов.

Особых достопримечательностей в городе не было, обычный колониальный городок. Танганьика-колония Англии. Белые люди одеты во все белое, мужчины в шортах, безрукавках, на ногах сандалии. Белые женщины в белых прозрачных одеждах, большинство в брюках. Туземное население по пояс голые и женщины и мужчины. Мужчины носят только набедренную повязку, женщины обматывают бедра яркой тканью, все босые. Касок не носят ни мужчины ни женщины. Волосы черные курчавые расположены на голове рядочками - или это от природы или искусственно сделано не выясняли. У туземных женщин на руках от пальцев до плеч бесчисленное количество колец, некоторые врезались в тело чуть ли не до кости. В центре города туземного населения очень мало, разве, что пацаны, которые зазывают: - каман май систер!

Нам объяснили, что эти дети 10 - 11 лет зазывают к проституткам из среды туземцев, а в городе много моряков из судов прибывших в порт за грузами или привезшие груз.

В Момбаса представилась возможность увидеть представителей малорослого племени - так называемых пигмеев. Три мужчины по виду уже не молодые ростом 120 - 130 сантиметров стояли на одной из улиц и вокруг них несколько десятков моряков из разных судов стоящих в порту и буквально издевались над ними поворачивая то в одну то в другую сторону, они дико озирались, смотрели изпод лобья. Большой живот и тонкие ноги свидетельствовали о том, что они питаются только растительной пищей. Когда им дали сигареты, они тут же их съели. Одеты " пигмеи " в одни набедренные повязки. После того, как съели сигареты они сразу ушли, и больше из их племени никого не видели.

На побережье в районе города имеется пляж с многочисленными зонтами - навесами. Акватория пляжа огорожена густым частоколом свай и сетками, защищающими пляж от акул и рыб "полосатый змей" укусы которых бывают смертельны. Купаться желания не было.

В городе эмигрантов из других европейских стран почти нет, кроме англичан, колониальных властителей, причиной тому, наверно, очень жаркий климат. Промышленных предприятий почти нет, отсюда в основном вывозится сырье, а все промышленные товары привозятся извне.

Возвращаемся на судно с различными впечатлениями о городе и людях этого колониального городка.

Пополнено продовольствие и мы прощаемся с Момбасой, Утром снимаемся с якоря и берем курс на Мозамбикский пролив, за кормой ушльвывает в утренней дымке небольшой городок утопающий в зелени. Океан встретил нас полным штилем. В такую погоду обычно хорошо видно фонтаны кашалотов, короткие тропические ливни сменяются невыносимой жарой. По мере приближения к Южной Африке зной начинает спадать, однако при переходе тропика Козерога усиливается ветер и Мозамбикском проливе разыгрался настоящий шторм, но дышать стало легче, в штормовую погоду меньше зной.

Подходим к порту Дурбан в Южно-Африканском доминионе Англии, Штурман Марьян знакомит экипаж с этим краем по морской лоции, в которой имеются краткие сведения о политической структуре, экономике, населении, быте, словом все, что может рассказать лоция о государстве. Входя в порт мы примерно знали, что он собой представляет, как город-порт и как социальный объект доминиона.

После швартовки у причала, а это было накануне 24 годовщины Красной Армии и Военно-Морского флота, экипаж начал к нему подготовку.

Механики и электрики изготовили макет земного шара, установили на нем флаги союзников в борьбе с фашизмом - СССР, США и Англии.

Шар в диаметре один метр установлен на шесте с приспособлением для вращения вокруг своей оси с освещением флагов и шара изнутри.

Ледокол был иллюминирован и расцвечен флагами. Самодеятельный коллектив усиленно готовился к выступлению во время праздника. На причале собралось очень много народу наблюдая за нашими приготовлениями к празднику. На ледокол пришли представители портовых и городских властей, после переговоров делегация была приглашена на праздник и приняла приглашение с благодарностью.

Вечером 23 февраля 1942 года на палубе были приготовлены столы с угощением для экипажа и гостей. Гости прибыло несколько десятков человек, среди которых были и русские по разным причинам проживающими в Дурбане и занимающие какие-то посты в порту и в городе. Это избавляло от приглашения переводчиков. Произносились краткие речи от обеих сторон о дружбе и взаимовыручке, вечер проходил в теплой, товарищеской обстановке, матросы ледокола дали для гостей и экипажа концерт. Особенно понравилась гостям пляска "яблочко". Некоторые гости пытались плясать, много было смеха от этой пляски. Четыре мужчины и одна женщина из гостей спели песню "Вечерний звон". Прощание было теплым и гости пообещали что все сделают, чтобы обеспечить ледокол к дальнему походу.

На другой день было решено поставить ледокол в сухой док для производства сварочных работ на днище ледокола..

Исходя из сложившихся обстоятельств на морских коммуникациях ледоколу предстояло идти через Атлантический океан опускаясь к высоким южным широтам, во избежания встречи с курсирующими в атлантике немецкими рейдерами. Сильные штормы в южной атлантике требовали дополнительных мер, обеспечивающих остойчивость ледокола.

В качестве такой меры было решено наварить крылья на обоих бортах на 4 - 5 метров ниже ватерлинии, которые бы уменьшили крен во время сильного волнения в океане. Предстояло простоять в доке около недели. Сварочные работы производили рабочие порта, а команда в это время очищала днище и занималась другими работами по уходу за судном. В связи с длительной стоянкой в порту, администрация порта и города разрешили команде ледокола посетить город при наличии международных паспортов, которые у нас имелись. Членам экипажа были выданы деньги для приобретения одежды и обуви.

Для поездки в город к нашим услугам на причалах постоянно стояли десятки такси. Водители такси как правило негры, мулаты и молодые девушки. Наша группа из четырех человек выехали в город и сразу же затерялись в громадном потоке автомашин с непрерывными заторами. Девушка таксистка нам сказала, что в городе с населением 250 тысяч, 50 тысяч автомашин, насколько это верно не знали, но машин очень много. Мы попросили девушку припарковаться, чтобы выйти из машины и продолжать знакомство с городом пешком, но тут девушка начала просить, чтобы мы посетили ее родителей посмотреть какие русские. Мы согласились на короткое время и поехали к ее родителям. Подъехали к 20^{ти} и 3-этажному дому. Англичанин Проктер, который с нами в группе в квартиру родителей девушки не пошел и остался у машины, а мы поднялись на лифте на 19 или 20 этаж. Зашли в квартиру и навстречу вышел к нам седовласый мужчина лет пятидесяти и женщина такого же возраста. Девушка объяснила им кто мы такие.

Мужчина, что-то сказал невнятное и пошел в другую комнату жестом приглашая идти за ним и мы последовали, а он подошел к столу взял журнал, раскрыл его и показывает карикатуру. На карикатуре стоит волосатый мужчина, в красной рубашке повязанный веревочным поясом, черные шаровары и в лаптях. На голове выше лба с волос скомканных кучей выглядывают маленькие рожки. Дат рашенс! — говорит он. Мы рассмеялись и они рассмеялись вместе с нами. Затем состоялась краткая беседа как могла без переводчика, благо живя в одной каюте с англичанами автор этих строк кое-как владел разговорной речью. Приглашали на чашку кофе, но мы отказались из-за недостатка времени и тепло распрощались. При прощании хозяин квартиры сказал: теперь наша квартира долго не будет закрываться, все соседи будут интересоваться, кто такие, о чем разговаривали. Покинули квартиру хозяев с другими мнениями о русских и вышли из дома. Возле такси Проктер, что-то переговорил с девушкой-водителем и укатил куда то, а мы пошли знакомиться с городом пешком. Особых достопримечательностей не видели, но поразило обилие машин и большим количеством рикш. Представьте себе рослого мужчину, запряженного в двухколесную тележку расцвеченную всякими узорами, самого обвешанного колокольчиками на руках и на ногах, мчущегося в потоке машин, а на тележке какая-нибудь пара или английские матросы — это рикша. Мы втроем шли по тротуару и нас почти на каждом шагу приглашали рикши на тележку. Конечно, интересно проехаться на тележке, но совесть не позволяла так эксплуатировать человека. Когда мы одному настойчивому рикше дали несколько шиллингов и не сели в коляску он обиделся. Мы как могли объяснили ему, что у нас в России, этого нельзя делать, это не хорошо. Деньги он взял и сзывает свободных рикш и что-то объясняет им, а те восклицали: найт рашенс! вери матч рашенс!. У меня был маленький портрет Ленина и я показал собравшимся вокруг нас людям спрашивая кто это?. Жители старше 30 — 40 лет узнавали в нем Ленина и говорили: Ленин окей!

В городе много русских, выехавших из России до революции и во время гражданской войны, также много украинцев из западной Украины, напуганных "Зверствами" большевиков. Мы попросили одного русского показать нам какую-нибудь мастерскую по пошиву одежды и он с удовольствием согласился. Всю дорогу интересовался, как сейчас живут в России. Зашли в одну мастерскую и сразу же были окружены вниманием. Мы попросили сшить нам костюмы и сразу же начали показывать разные материалы. Нам понравился темносиний бостон, который переливается в руках как шелк и похвалили качество английского материала, но мастер воскликнул: - но энглиш! бостон рашен! и показывае нам штамп "made in СССР", мы несказано удивились, как он мог попасть в Южную Африку и нам объяснили, что материал пришел из Англии. Умеют же у нас делать такую добротную ткань, мы вроде и не видели его дома в магазинах. Мы заказали костюмы, надеясь что их пошьют пока стоим в порту. Мастер сделал обмер, деньги не брали заверил, что все будет окей, только попросил сказать с какого парохода и когда мы сказали Микоян он воскликнул : о Микоян! биг шип! окей! туморо Микоян!.

Какое же было наше удивление, когда на другой день к часам десяти к доку пришел мужчина и принес на плечиках готовые костюмы.

Мы примерили и совершенно никаких претензий не высказали и расплатились за работу. Вот это действительно работа, без единой примерки только по первому обмеру так так сшить костюмы. Получив деньги, мужчина раскланялся и просил, чтобы и другим сказали, где шили и оставил визитную карточку. И действительно, многие наши товарищи пока стояли в порту пошили в этой мастерской себе костюмы, которые также были доставлены на судно.

На ледоколе полным ходом идут работы, на бортах ниже ватерлинии вырастают крылья, любуемся на ледокол со стороны, он похож на 3-х моторный бомбаодировщик-три винта и крылья-красиво.

Кто-то приносит на ледокол местные газеты. В газете описан вечер по случаю 24 годовщины Красной Армии, о концерте русских моряков, о попытке гостей плясать как русские, но не хватило ни умения ни энергии, с русскими в пляске никто сравниться не может. Было и смешное интервью. Кого-то из членов экипажа журналист спросил: как вы остались живы, ведь вас потопили итальянцы, передавшие об этом по радио. Русский ответил: - а мы своей артиллерией заставили ретироваться итальянцев. Конечно пушка у нас была, но поставлена была только в Суэце. Мы пытались узнать кто же это дал такое интервью, но это так и осталось тайной. Несведущие люди могли и поверить, ведь пушку на ледоколе видели.

На ледоколе была произведена еще одна работа. При обстреле судна итальянцами были ранены рулевой и сигнальщик поэтому решили оградить рулевой пост гранитной стенкой. Эту работу выполняли один англичанин /старший / и три зулуса из местного племени. В основном работу выполняли зулусы, англичанин вел разговоры, но получал он в десять раз больше чем зулусы-работчие., это ^{он} нам сам сказал и пригласил к себе в гости. На работу он ездит на своей машине. На следующее увольнение в город мы воспользовались приглашением и поехали с ним в гости. Живет он на окраине города в живописном месте, имеет коттедж, но гаража нет, машина стоит на улице возле дома, случаев кражи нет, сам он не ремонтирует, так, что и гараж не нужен. Семья ⁶ четыре человека-он, жена и двое детей 14 и 16 лет. Англичанам здесь живется хорошо, а местное население по его мнению предназначено для черной работы и потребности у них минимальные. Беседовали как могли на разные темы, но он убежден, что туземцы должны благодарить англичан за предоставление им работы ^{это в ее} и не дают помирать от голода. Он удивлялся, что у нас в России больше ста наций и все равны и не верит, считает, что это пропаганда. Угощение не по русски хлебосольно, пиво и тонкие бутербродики. Мы прощаемся, отключаемся от машины ссылаясь на то, что интересно пройти пешком

он удивляется, ведь до центра три мили. Мы говорим для нас это не расстояние и уходим. Провожает нас вся семья, желают победы России над Гитлером. Ходим по городу, много магазинов в которых изобилие разных товаров, покупателей почти нет, не понимаем как они существуют. Время возвращения на судно, ^{отсюда}останавливаем такси. Таксист молодая миловидная девушка рассказывает, что у них преимущество перед мужчинами, всегда клиенты имеются, поэтому босс больше заинтересован, чтобы были красивые девушки таксисты — больше доход.

Все запланированные работы на ледоколе подходят к концу. На утро в док накачивается вода и ледокол выводится из дока, швартуемся к стенке и готовимся к походу.

В начале марта отдаем швартовы, нас провожают толпы портовых рабочих и население города, желают счастливого плавания и победы над Гитлером. Мы в океане, идет размеренная жизнь каждого на своем посту. Для радистов тяжелое время. Мы далеко от Родины и сообщения ТАСС принимать очень трудно, сигналы на коротких волнах поступают слабые и то не всегда, сведения отрывочные скудные, но в основном личный состав в курсе событий на Родине. Помогаем английскому радисту принимать сводки погоды латинским шрифтом, затем офицер Роджерс расшифровывает по своим таблицам и сообщает капитану о состоянии погоды в бассейне. Курс на Кейптаун, ритмично работают машины и все службы обеспечения. Огибаем самую южную оконечность Африки — Мыс Доброй Надежды. Штормит, сильное волнение, но чувствуется влияние крильев, умеренная качка. В южном полушарии разгар лета.

Подходим к Кейптауну — столице английского доминиона. Навстречу мчится военный катер и сообщают, что мы идем по минному полю. На борт поднимается лоцман. Вы счастливы, говорит, могли подорваться на mine. Нас об этом не предупредили в Дурбане. Двух сторонней связи ни с какими радиостанциями не было, кроме приема сводок о погоде. Халатность английских властей могла кончиться катастрофой.

Входим в порт и причаливаем к стенке, нам необходимо пополнить

Запасы угля и свежего мяса. Город уже знал о нашем предстоящем при-
бытии и жители проявляли особый интерес к советскому ледоколу,
при чем к этому времени в Кейптаун была доставлена киноплёнка
документального фильма "Разгром немцев под Москвой" о чем будет
ниже. Администрация города разрешила экипажу ледокола посетить го-
род. Толпы молодежи поджидали советских моряков у выхода в город
с порта. Англичане, французы, югославы, греки, поляки, болгары и многие
другие эмигрировавшие из своих стран молодые люди в связи с фа-
шистским нашествием. Почти у каждого на лацкане или на рубашке
деголевский значок, с которым мы познакомились еще в Дурбане. Осо-
бенно к нам тянулись югославы и болгары, с которыми мы могли об-
щаться более свободно, так, как в языке было что-то родное у них
и у нас. Нас приглашали в разные клубы, мы искренне благодарили за
приглашения и сожалели, что не можем принять приглашение, так, как
время ограниченное, а хочется посмотреть город и его достоприме-
чательности. Они охотно соглашались нам помогать. Обычно мы ходи-
ли на увольнение группой 3 - 5 человек. Мы знали из бесед штурма-
на Марьяна, что в городе проживает около 3 / 4 цветного населения
негры, зулусы и из других племен, но нас поразило, что на улицах
цветных вообще не ^{встречали} встречали, только белые. Нам объяснили, что для
цветных есть отдельные районы и здесь на центральных улицах их
появление запрещено без особых пропусков. Мы попросили нас сопровож-
давших показать один из районов, но нам не советовали. Мы все же
подшли к одной из стоянок такси и через Проктера, который все
время с нами ходил на увольнение, попросили шофера-негра повезти
нас в один из районов, где живут цветные. Шофер удивленно посмотрел
на нас и особенно на англичанина и замотал головой, но мы таки
убедили его и он повез нас. Шофер был негр. Какое убогое зрелище
этот поселок, тысячи домиков из досок, фанеры, кузовов автомобилей,
кусков жести составляли жилища цветных людей. Несметное количество
детей играющих на улице в футбол-банками из под консервов, мы не

ни столбов для электричества, ни водоклонок, ни колодцев, ни тротуаров, ни настоящей дороги по улице, зато сплошные горы мусора и особенно бумаги и консервных банок и никакого освещения. Проктер говорит: а зачем им освещение, их удел работать, они все неграмотные, а для работы достаточно дневного времени. Шофер говорит: здесь опасно ездить можно быстро повредить колеса. С неприятным чувством мы возвращались в город. Мы попросили шофера остановить машину, где можно перекусить, он остановил машину у ресторана. Вышли из машины и пригласили шофера с собой, но ^{он} станно замотал головой.

Проктер объяснил нам, что ему в ресторан заходить нельзя. И все через Проктера мы убедили его, что с нами можно. Но только мы подошли к двери швейцар загородил дорогу шоферу, хотя и сам был из мулатов. Проктер объяснил ему что он с русскими. Через несколько минут швейцар, что-то выяснил и шофера пропустили с нами. Часть столиков были пустыми, за некоторыми сидели офицеры с дамами и штатские белые. Навстречу вышел белый официант недовольно посмотрел на шофера и после переговоров с Проктером указал на столик и проговорил: рашенс плиз, блек бад /черный плохо /. Проктер не сел за наш столик, да и места не было, он был пятый, а у столика четыре стула.

Заказ принимает белый официант, выбрать меню помог Проктер. Развозит заказ на тележке цветной. На столике четыре прибора. По нашим обычаям, основные орудия приема пищи ложка, вилка, нож, а здесь целый набор каких то лопаточек, совочков и.т. д. Мы так и не поняли для чего все это. Принесли, вернее, привезли на красивом подносе рыбу жареную. Официант полил ее како-то жидкостью, по запаху спиртовую поджог и ушел. Синеватое пламя охватило всю рыбу, мы смотрим на пламя и на нас смотрят со всех столиков, потом разразился хохот и один офицер подошел взял салфетку и накрыл поднос. Так нужно подержать пару минут, только тогда нужно брать с поноса в свою тарелку и приступать к еде. Официант удивился, что мы не заказали спиртного и предложил виски, джин, но мы отказались. На десерт подвезли фруктов

Посредине подноса положен какой-то фрукт или овощ с сочными зелеными листьями по краям виноград, груши и еще что-то. Попробовали винограда, нам не понравился кислый, груши хорошие. а вот с тем фруктом с листьями не знали, что делать. Под листьями был невзрачный шершавый похожий на еловую шишку корень. Мы просто не знали, что это такое, спрашивать неудобно. Шофер показывает на диковинный плод и ничего не говорит. Мы советуемся, что делать. Я решил отрезать кусочек сочного листа и положил в рот. Какого отвращения после винограда и тут негр рассмеялся. Все обратили внимание на нас.

Подшел Проктер и еще один офицер, он взял плод обрезал листья очистил с корня кожуру и показал, мол, порежьте. Вот мы узнали, что такое ананас, говорят он дорогой, но нам он не понравился, негр ел с удовольствием. Мы расплачиваемся и выходим из ресторана, нас провожают почти все находящиеся в зале, слышатся возгласы-рашен сейлорс найт! ред арме гут! и еще какие то. Мы удивились в чем дело.

Оказывается в городе демонстрируется фильм "Разгром немцев под Москвой". Оплачиваем проезд и стоянку такси, и отпускаем шофера, он раскланивается, улыбается и показывает жестом, что его повесят за то, что зашел с русскими в ресторан для белых, но махнул рукой - *будет* - что будет! и уехал. Проктер сказал, что таксисту не одобровать и узнал, где демонстрируется наш фильм. /он уже бывал в этом городе/. и повел нас в этот кинотеатр и тут мы увидели столпотворение.

Обычно в Дурбане и в Кейптауне фильмы демонстрируются без перерыва. Заходишь в буфет в фойе должен купить что-нибудь съестное или напиток и заходишь в зал, билетов нет. В зале идет фильм, здесь едят, пьют, курят, за дымом экран еле видно, сидишь до того момента, когда кадры начинают повторяться, выходишь из зала, поэтому постоянное хождение, мешающее смотреть фильм, но местные уже привыкли к этому. А вот наш фильм демонстрируют по сеансам и по билетам.

За билетами длинная очередь. Так мы и не посмотрели этот фильм в Кейптауне. Возвращаемся на ледокол, делимся впечатлениями ^{с Гам,} кто

еще не был в городе, возможно им удастся посмотреть фильм. Но надежды не оправдались, так никто из наших не посмотрел. Дело в том, что поступила одна лента, а желающих посмотреть местных жителей десятки тысяч.

Пополнили запас угля, даже на палубу в специальные ограждения засыпано около 500 тонн. Так, как холодильников не было, взяли на борт несколько бычков и свиней с запасом корма, чтобы в походе было свежее мясо. Все готово к отплытию. Английская разведка донесла, что в южной части Атлантического океана курсируют немецкие подводные лодки. Путь до Южной Америки длинный и нужно быть особенно осторожными и даже подождать некоторое время. Капитан решает выходить, нас ждут на севере нашей страны.

КЕЙПТАУН - МОНТЕВИДЕО

Отдаем швартовы, прощальный гудок. Нас провожают тысячи людей, буквально все работники порта, желают счастливого плавания. Впереди грозная южная часть Атлантики. Первые несколько суток океан спокоен, в ночное время на больших водных площадях океан "горит", горит голубоватым светом переливаясь то затухая, то снова возгораясь по мере усиления или уменьшения волны, такое впечатление, что подождено необъятное поле стерни после жатвы. Только пламя не красное, а голубое. Мириады микроскопических живых существ начиненных фосфором под действием легкой волны создают горящий фон на поверхности воды. *Это необычайно красивое зрелище.* Этого зрелища забыть нельзя. Ледокол опускается к более высоким южным широтам, избегая опасной встречи с подводными лодками немцев.

Погода портится, ветер усиливается, волны все выше и выше. Устойчивость ледокола еще удерживается, наверно помогают "крылья". Но шквальный ветер переходит в ураган. На гребнях волн уже не просто пена, сплошная водяная пыль. Оставшийся не сожженный уголь с палубы снесло как метлой. Ледокол раскачивает все больше и больше, вода сотнями тонн перекачивается через палубу. Принимаются меры по спасению живого мяса, идет убой иначе все снесет с палубы.

А ураган усиливается, тысячи тонн воды наваливаются на ледокол, он уже черпает воду бортами. Поплыли с борта ограждения для угля, а вместе с ними и уголь, который не успели сжечь в топках. Нос ледокола буквально зарывается в океанскую пучину, волны достигают не менее 15 метров высоты, ледокол бросает как щепку в бешеном круговороте. Все отверстия, какие только есть на судне, задрены, на палубу выходить запрещено. Температура воздуха, ^{несмотря на лето} понизилась до 10 - 12 градусов ~~не смотря на лето~~. Грозная стихия психологически и физически перестроила всех моряков. Даже ^{шлем экипажа} из экипажа, которые подвержены ^н морской болезни, чувствуя силу стихии, как неизбежное явление, стойко переносили это качание, ~~более легко~~, и никто не сходил со своей вахты, нужно держать пар на марке, нельзя расслабляться - это смерти подобно. Из 17 суток похода, 12 суток жестокой борьбы со стихией.

Ураган начал стихать, видимость улучшилась. Поступил сигнал с мостика: "Вижу землю"! Какое ликование!. Это Южная Америка. Направляемся в залив Ла-Плата, к берегам Уругвая. В заливе спокойно, проходим мимо затопленного "Карманного" немецкого линкора "Адмирал граф Шпее",. Три английских крейсера засекли его в южной Атлантике, где он совершал рейды против торговых судов союзников и заставили укрыться в заливе. Видя безвыходное положение, команда потопила линкор на мелком месте, даже командно-дальномерный пост не был погружен в воду. Команда линкора была интернирована уругвайскими властями. Входим в гавань. Как-то нас встретят здесь в Южной Америке?, ведь это второе судно из Советского Союза посещает Уругвай.

Первым судном посетившим эту страну был советский парусник "Товарищ" в 1929 году. При подходе к стенке мы увидели тысячи людей собравшихся у причалов порта и не верили своим глазам.

Сколько хватал глаз везде были видны красные флаги, транспаранты с приветствиями нашей стране, множеством портретов наших руководителей. После швартовки мы выстроились у борта и ответили на приветственные крики - УРА!. И покатило над всей толпой мощное

ответное УРА ! УРА ! УРА !. ^и ^{есть} Цепь полиции не в состоянии удержать ^{черотенне люди парки} напор толпы и вместе с людьми ~~надали~~ с причала в воду, их тут же подбирали катера и лодки. Власти города, не откладывая в долгий ящик, решили организовать встречу советских моряков с населением города в городском парке. Прибыли полицейские машины и представитель префектуры полиции для опечатывания радиопередатчиков. Населению объявили, что встреча состоится в парке, но народ не расходился, наверно считая, что могут обмануть, чтобы разошлись. Представитель ~~полиции~~ полиции, который опечатывал радиостанции оказался моим земляком из Екатериновлавской губернии село Петропавловка. Его отец Саенко еще в 1912 году эмигрировал от преследования русской полиции, так и остался в Уругвае, ^{заболел} в виду болезни и умер в 1920 году. Мать и дети прижились в этой стране, выучились и работают в учреждениях Монтевидео. Он сообщил, что их семьях соблюдают украинские традиции, все говорят на украинском языке и отлично знают испанский. Он также сообщил, что в городе очень много украинцев и русских, они соблюдают свои национальные традиции и культуру, в городе издаются газеты на украинском и русском языках, имеются национальные клубы.

В стране легально действуют компартия и комсомол. После формальных процедур Косенко организовал выезд в парк на полицейских машинах группы наших моряков. В парке уже были приготовлены столы с различными угощениями и множество народа. Уругвайцы уже знали о разгроме немцев под Москвой, а также знали, что советский ледокол должен прибыть в Уругвай, потому с таким энтузиазмом и встретили нас. С обеих сторон были произнесены краткие речи и горячие пожелания советскому народу полной победы над Гитлеризмом.

Куда бы мы не пошли по парку нас окружали толпы народа, спрашивали о нашей стране. Мы восхищены ухоженным парком, много аттракционов, красивые небольшие озера, в которых плавают белые и черные лебеди, сказочные замки, различные скульптуры и цветы, цветы, цветы.

С парка мы группами направились в город. В одном месте украинцы

завели нас в украинский клуб. Как раз в ^кулубе шла репетиция спектакля "Наймычка" по произведению Т. Г. Шевченко, хозяева гордятся своим клубом ^и поведали нам, что здесь живется им не ахти хорошо.

Хорошую работу найти трудно, тяжело с жильем, многие ютятся на чердаках и в каморках. Кто имел деньги завели маленькие дела по торговле, а большинство заняты на работах по очистке города, на погрузке судов в порту, живут надеждой попасть в Россию после победы над Гитлером. На вопрос почему не остались на Украине после воссоединения с ответом мнутя, мол их сагитировали богатые ненавидящие большевиков. Попрощались с клубными работниками и пошли осматривать город.

В городе много высотных домов, улицы чистые, много цветов, деревьев.

Где бы мы не появились сразу же собирается народ. На вопрос как вы узнаете, что мы русские люди отвечают со смехом: а у вас брюки русские, у нас дудочки, а у вас клеш, поэтому сразу видно, что русские.

Попали мы на одну удивительную улиду, посреди улицы арка, на арке "эмблема": лежит полуголая женщина с поднятыми ногами в виде латинской буквы У / победа /, а дальше котеджи, котеджи. В этих котеджах легально занимаются проституцией сотни девушек от 17 до 23 лет, как нам объяснили наши попутчики! Почти на каждом углу японские ресторанчики-забегаловки ^кгде продают в основном пирожки с луковой начинкой. Готовят их японцы ^{ч так} такими вкусными, что ^{пирожки} постоянно идут на расхват. Украинцы говорят, что секрета их приготовления, кроме японцев никто не знает. На одной из улиц зашли в ресторан капитально покушать. Заказали жареный картофель и бифштекс. У нас было правило в увольнении ни грамма спиртного, но нам принесли бутылку с красивой этикеткой и красными буквами наисось "ЛЕНИНГРАД". Вокруг стола собралась толпа из посетителей посмотреть как ^чрусские будут пить водку. Пришлось в интимном разговоре с официантом признаться, что мы не пьем и под видом раскупорки унести водку и в бутылке принести напиток похожий на водку, благо она была не чисто белая, что и было сделано. Мы разлили в большие стаканы этот напиток и

выпили одним духом, удовлетворив любопытство собравшихся у столика, а они так и ахнули — что же с нами будет?, а мы спокойно принялись за еду. Бифштекс не понравился всередине сырой, картофель отличная хрустящая. Мы попросили официанта огурчиков — мерзавчиков, но в наличии не оказалось и тут же немедленно были посланы гонцы и минут через пятнадцать огурчики были на столе. Нам потом рассказали, что если бы не подали этих огурцов по заказу ресторан бы обанкротился никто в него бы не ходил там не выполняют заказы, а молва пошла бы по всему городу. Мы потом ждали, что чуть не довели владельца ресторана до банкротства, но мы не знали о престиже марки заведения. Мы покушали и спокойно ушли из ресторана, а за нами и все любопытные, удивляясь, что русские ушли как будто и не пили спиртного. Конечно обманывать некрасиво, но можно и пошутить.

По возвращению на ледокол мы рассказывали товарищам о происшествии в ресторане, и некоторые подтверждали, что и им предлагали водку "ЛЕНИНГРАД", но отказались и огурчиков не заказывали, а посмеялись все вдосталь. За время стоянки ледокола в порту экипаж пережил бум паломничества жителей города для ознакомления с русским судном и его экипажем. Полиция и наша дежурная служба следили, чтобы люди на ледокол шли только в легком летнем одеянии без сумок. Гидами были члены экипажа, а переводчиков хватало из местных жителей, русских и украинцев. Пока мы стояли в порту местные любители кино сделали кинофильм в котором запечатлен наш заход в порт, швартовка и встреча с населением города. Этот фильм нам был подарен и мы привезли его на родину. Правда пленка не очень качественная но дорогая для экипажа. Никогда не забыть чувства уважения жителей города Монтевидео к советским морякам. Пополнен запас угля и некоторые виды продовольствия и готовимся к походу. Пришел Косенко из полиции распечатать радиопередатчики. В беседе о впечатлениях о городе мы сказали ему о непонятном для нас легальном положении проституции, на что он нам сказал: власти выбрали меньшее зло

зло, все равно проституции не запретить. Девушки не всегда могут найти работу, а жить надо, а в легальных заведениях они проходят медицинские осмотры и меньше вероятности распространения венерических болезней. Конечно это аморально, но сама жизнь заставляет идти на это."

За время стоянки в порту ледокола некоторые дельцы использовали наше посещение Монтевидео и нажили миллионы песо. Одна конфетная фабрика изготовила конфеты-леднцы, круглые диаметром 10 - 12 миллиметров и длиной 7 - 8 сантиметров. Внутри по кругу красным цветом расположены латынские буквы ЛЕНИН, МИКОЯН. Население пока мы стояли в порту покупало только эти конфеты. С этой же фабрики на ледокол были доставлены в подарок экипажу шоколадный торт в виде Кремля высотой около одного метра, 10 ящиков конфет. Торт конечно быстро съели, а конфеты находились на палубе до самой Арктики, где их уже рубили топором так, как в тропиках они расстаяли, а потом превратились в монолит.

Кончается стоянка в порту, все приготовлено к длительному походу.

На причале собрались тысячи людей, чтобы пожелать нам счастливого плавания. Звучит команда с мостика: отдать швартовы!, ледокол медленно отходит от причала и направляется к выходу из бухты, его сопровождают множество катеров и лодок. Прощальный гудок и мы выходим в залив Ла-Плата.

МОНТЕВИДЕО - ВАЛЬПАРАЙСО

Снова проходим мимо затопленного немецкого линкора. В городе нам говорили, что когда команда интернированного немецкого линкора пыталась выйти в город из своих казарм, жители города забросали их камнями и они больше не пытались появляться в городе.

Мы выходим в океан и берем курс на юг к проливу Магеллана. Погода благоприятствует, нас все время сопровождают несметное количество чаек, на судне идет размеренная жизнь. По правому борту все время в видимости берега Аргентины. Старший штурман Марьян собирает на палубе всех в свободных от вахт и ведет рассказ об Аргентине, о проливе и его открывателе

Нужно отметить, что во время нашего пребывания в Монтевидео тысячи аргентинцев приезжали из Буэнос - Айреса посмотреть на советский ледокол под красным флагом и многие побывали и на ледоколе, они просили, чтобы судно зашло в Буэнос - Айрес и забрали много вещей собранных аргентинцами в дар советским людям, но мы не могли этого сделать: у нас другая задача. Пять суток похода и мы входим в пролив.

По левому борту вдали видны невысокие горы острова Огненная Земля, по правому борту в туманной дымке леса и леса. Пролив протяженностью около 200 километров, наименьшая ширина около 40 километров.

По правому открывается порт в проливе Порт-Аренас принадлежащий Аргентине. На рейде порта бросаем якорь. Подходит катер и на борт поднимаются лоцманы. Снимаемся с якоря и следуем дальше по каналу..

К утру выходим из пролива, нас не ласково встречает Тихий океан, сильное волнение и ужасная килевая качка. Идем в видимости чилийских берегов и через несколько часов входим в область чилийских шхеров. На протяжении сотен километров бесчисленное количество островов и островков отделяющих континентальную часть от океана, здесь в шхерах полнейший штиль, все острова покрыты девственными лесами.

В южном полушарии наш апрель приравнивается к южному октябрю, поэтому природа еще в буйном росте, да и климат теплее. Шхеры непередаваемое чудо природы, сотни островов чередующихся как клетки на шахматной доске, образуют лабиринт в котором может разобраться только лоцман высокого класса. Идет судно и кажется, что вот зайдет в тупик и вдруг открывается водная гладь ведущая в новый "тупик".

Поистине нужно быть настоящим мастером своего дела, чтобы не заблудиться в этом лабиринте островов и островков. Идем малым ходом 5 - 8 узлов по проливам ближе к континентальному шельфу материка.

С правого борта высятся горы покрытые лесом, чем дальше на север горы все выше, кое-где видны белые шапки вечных снегов. С высоты низвергаются водопады, белой лентой прорезающие массивы леса.

От берега высоко в горы сплошная стена зеленой массы.

Нужно наверное быть очень хорошим художником, чтобы запечатлеть эту красоту. В южной части шхер нас постоянно сопровождают на лодочках местные жители удивительно похожих на наших северных жителей чукчей, эскимосов, такие же черные волосы, разрез глаз, черты лица, как будто выходцы из одного географического района, а ведь расстояние от ²¹Чукотки до ²¹Чилийских шхер десятки тысяч километров, через моря, океаны и тропики. Наверно сама природа ^{благоприятная климат} делает людей такими, какие они есть в подобном климате. Люди бедны, что видно по одежде и физическому виду — малые ростом и худые. Наши моряки, как и все добрые русские люди, чем могли ⁰помогали им. Они ⁰подходили к борту, а им на ⁰фалине опускали консервы и одежду, какая была лишняя. Чилийские лодчаны удивлены, как мы относимся к этим по их понятиям диким племенам даже богом забытых. Видно не легко им живется, что так рады нашим подаркам и не уходят, пока не скроемся за каким нибудь новым островом. Чем дальше на север горы становятся выше, целые гребни покрыты белыми одеяниями, больше красивых водопадов.

Выходим ³их шхер в открытый океан, а он встречает нас сильным ветром и огромными волнами, накатывающимися грозными валами. Через сутки океан утихает, погода улучшается. Подходим к небольшому порту Коронель, бросаем якорь на рейде. На берегу собралось много народа, видны красные флаги и какие-то транспаранты, к ледоколу подошли много лодок в основном с молодыми людьми. Они показывали на красный флаг и поднимали руку с сжатым кулаком. Несмотря на наличие угольных шахт в районе порта здесь мы не бункеровались, а предложили нам бункероваться в порту Лоте. На берег никто с судна не сходил. Рабочие организовали доставку на катерах собранные вещи в дар советским людям и мы вынуждены были их принять по настоянию делегации, доставившей вещи. Для погрузки угля, ледокол направился к порту Лоте. Не успели стать на рейде, как через несколько минут были окружены небольшими лодками с молодыми парнями и девушками привлеченными красным флагом и необычным видом судна не

похожим на обычные суда, да и это первое советское судно посетившее порт Лоте. Какие они русские? Подходят к борту и что-то громко говорят на испанском языке, особенно щебечут молодые девушки по 4-5 в каждой лодке, молодые парни более сдержанные, подростки предлагают разные поделки. Более пожилые показывают на флаг поднимают руку со сжатым кулаком. Подходит большой катер с представителями города, которые просят советских моряков посетить рабочий клуб в порту. Капитан ледокола дает согласие и через 30-40 минут группа за группа в количестве 55 человек во главе с капитаном отправляется на берег. В рабочем клубе состоялась встреча с шахтерами, на которой были выступления с обеих сторон. Особенно воодушевлены шахтеры победой Красной Армии под Москвой и заверили о полной солидарности с советским народом в борьбе с фашистами, они уже ранее собрали деньги и вещи для советских людей и отправили в Сант-Яго для передачи в Советский Союз. После встречи в клубе мы по приглашению группами пошли в гости к рабочим. Городок небольшой, достопримечательностей особых нет, но весь утопает в зелени. Мы группа из 3-х человек - я, радист Коваль и англичанин Проктер были приглашены шахтером-слесарем в его "дом". Дома как такового нет, большая застекленная беседка обвита виноградом, внутри перегородки и занавески разделяющие беседку на комнаты. Холодов сильных не бывает, поэтому и капитальный дом не нужен и дорого стоит. Семья небольшая - муж, жена и дочь 19 лет. Живут не богато, а нужно выдавать дочь замуж и главная забота приготовить приданое. Работает один муж, для женщин работы в городке не имеется.

В гостях мы с Ковалем пережили неприятные минуты. Наш постоянный спутник в группе Проктер бесцеремонно увел девушку, а родители дали понять, что ничего особенного не произошло, что дочь работает "мони". Целомудрие до замужества не в почете, главное размеры приданого и родители не смущены таким поведением дочери, но мы чуть не стореги со стыда за "нашего" Проктера, так как совер-

шили эту любовную утеху не выходя из этого "дома". Когда мы стыдили Проктера за такой поступок, он еще и обиделся, что мол я такое сделал?, я дал заработать девушке, она рада, а вы меня стыдите. Вот и вся мораль. Больше мы с собой Проктера не брали на увольнение в свою группу. Время увольнения выходило, все собрались на причале и тепло попрощавшись с многочисленными провожающими отбыли на свое судно. Из-за большой осадки ледокол не мог подойти к причалу, поэтому бункеровку угля решили произвести в Вальпарайсо. Ледокол снимается с якоря, прощальный гудок, на берегу нас провожает почти все население городка. Ледокол берет курс на Вальпарайсо. Тихий океан на этот раз очень тихий. Трудно с информацией о положении в нашей стране. По приемникам очень сложный прием из-за сильных разрядов и удаленности наших телеграфных радиостанций. Из сведений полученных на берегу мало, что понятно, то, что передают американские радиостанции не убедительно, правду ждем из Москвы. Знаем, что идут жестокие бои за Севастополь, на сталинградском и кавказском направлениях, продолжается блокада Ленинграда, люди в городе голодают. Тревожно на душе за судьбу страны, но вера в победу не пошатнулась. В свободное время моряки группами собираются на палубе и как только вопросы не обсуждаются. В одной группе особо оживленная беседа. Матрос Жуков спрашивает: , а корова мыслит?, кто-то отвечает-если бы мыслила то ты не лопатой бросал бы в топку уголь, а механизмом, корова придумала бы раз люди не придумали. А нет-не соглашается кочегар Жуков, А почему одна какая нибудь корова особенно вредная идет в шкodu и при этом обязательно оглядывается, если никто не следит то продолжает идти. Стоит поднять бич над головой, она станет, подумает и возвращается, значит она, что-то думает. К единому мнению не приходят, мыслит не мыслит корова неизвестно, а вот фашисты точно не мыслят. Встревает в разговор Саенко. Вот ты Жуков, когда кончиться война -замечает кто-то, и займешся этим. А , что и займусь! Надо выяснить мыслят или не мыслят фашисты, творя такие зверства на земле, хотя

договаривались не нападать. Кто то замечает: - Их нужно уничтожать, а не изучать, и с этим все согласны. Так проходит свободное время в разговорах и "дискуссиях". Восхищаемся яркими звездами, как будто высящими над головой. Старший штурман Марлян объясняет морякам положение звезд над южным полушарием, особенно обращает внимание на созвездие "Южный крест" и другие созвездия не видимые в северном полушарии. На третьи сутки подходим к порту Альпарайсо.

На причале множество гражданского населения и полиции. Швартуемся к стенке и гражданское население дружно приветственно машет руками, у многих в руках красные флажки. Это первое советское судно посетившее Вальпарайсо, поэтому такой интерес проявило население города.

Какие же они русские большевики? Обыкновенная таможенная процедура, недоброжелательности со стороны таможенников и полиции не наблюдается. Москау ! Кабальеро ! восклицают они. После всех формальностей экипаж корабля получает разрешение на посещение города.

Появились представители от рабочих организаций для приглашения на встречу в одном из рабочих клубов. К вечеру были поданы небольшие автобусы и 33 процента экипажа организовано сошли с ледокола к этим автобусам. На причале масса людей, через которую нам нужно было пройти. По пути нас пристально осматривали, ощупывали, восклицали какие-то нам не понятные фразы, но с веселым задором.

Мы погрузились в автобусы и поехали в город, но разглядеть, что либо на улицах не могли, так, как начало темнеть. Поездка продолжалась минут двадцать. Автобусы подъехали к большому зданию, ярко освещенному неоновыми огнями какого то неестественного цвета, все лица казались бледными, как у мертвецов, а реальные цвета одежды отливали другим цветом. Вошли в большой зал уже заполненный до отказа публикой, которая шумно приветствовала наше появление. Очень многие не могли попасть в зал и толпились у входа. На сцене стоял большой стол покрытый синим материалом. Нашего капитана и комисара провели на сцену к собравшимся у стола представителям города и все расселись за столом. Мы сидели на первых рядах перед

перед сценой. Выступили несколько человек с краткими речами на испанском языке. С ответным словом выступил наш капитан Сергеев, на испанском языке. После окончания речи присутствующие в зале устроили овацию, затем на стол президиума стали класть деньги члены президиума, потом шли и шли люди на сцену и ложили бумажные деньги. Образовалась целая гора бумажных денег на столе президиума. Эти деньги — помощь Советскому Союзу в борьбе с германским фашизмом. Мы смотрели на это проявление солидарности чилийских рабочих и чувство гордости за нашу страну, за наш народ вступивший в смертельную схватку с оголтелым фашизмом переполняли наши души и сердца. Наша страна находит поддержку народа далекой Чили, хотя *люди* впервые видят советских людей в своей стране. После встречи мы возвратились на судно и еще долго обсуждали и делились впечатлениями с теми, кто *не* был на встрече. Деньги были переведены на счет Советского Союза в американский банк в Сант-Яго.

Обстановка складывалась так, что мы простояли в Вальпарайсо около 10 дней *превращась* и была возможность посетить город в дневное время.

В городе основной язык испанский, население смешанное — испанцы, индейцы, мулаты и другие народности. Русских в городе не встречали.

Особого впечатления город не произвел, хотя имеются различные памятники, воздвигнутые еще при испанском владычестве. Улицы ухожены, очень много цветов и целые площади зелены травяных ковров.

Очень много магазинов и магазинчиков в которых почти нет покупателей. Запомнился стадион — большой со сплошным травяным покрытием. Мы прибыли туда когда уже заканчивался футбольный матч между какими-то командами и нас любезно пропустили на трибуны.

На трибунах был какой-то сплошной рев. Через несколько минут с трибун все спешили на поле и футболистов одной команды буквально унесли под трибуны на руках.

Нас провели на зеленую лужайку, где было много различных аттракционов. Самое *интереснн* было — катание на маленьких лошадках.

назывались они-пони. Нам тоже предложили покататься на ~~этих~~ пони, но вежливо отказались садиться на такие хрупкие создания, мы росли до 190 сантиметров, а пони такие маленькие, стоять в траве маленькими коньками почти по колена и не достают спиной до паха.

Нас уверяли, что они очень сильные и выдержат, да и сами видели, что и взрослые катаются, но таких рослых как мы не было. Нас везде окружала толпа молодежи и мы как могли объясняли, что за страна Россия. Переводчиков не оказалось, поэтому разговор велся при помощи жестов, мимики или на плохом английском языке, который некоторые чилийцы знали. Чилийцы удивлялись, что у нас в правительстве могут быть рабочие и крестьяне, что школа совершенно бесплатная, что лечение бесплатное и за время нахождения на больничной койке оплачивается государством. Многие, особенно девушки, приглашали в гости, но мы вежливо отказывались, ссылаясь на ограниченное время. Когда я показал маленький портрет Ленина, почти хором ответили - ЛЕНИН !.

Нам рассказали, девушкам очень трудно найти работу, а чтобы выйти замуж нужно хорошее приданое, и сидят на шее родителей. Если не выйдет замуж, девушке ждет судьба продажной женщины и то, если подойдет по наружности и по фигуре. Когда мы сказали, что у нас в стране продажные женщины преследуются законом, они не поверили. Убеждать не хватило ни жестов, ни слов. У нас сложилось очень хорошее впечатление о жителях города. Мы тепло попрощались с молодыми людьми на стадионе и направились в порт, и многие провожали нас до самого порта.

В Вальпарайсо потеряли одного английского матроса Проктера, он ушел на берег и не вернулся. На запрос Роджерса полиция пообещала разыскать, но поступило указание следовать дальше на север и капитан не стал ждать пока разыщут гуляку Проктера.

На ледокол прибыл главный полицейский города и сделал интересное заявление капитану: мы собрали чуть ли не со всей Чили полицейских считая, что русские моряки дебоширы и пьяницы, но оказывается, что

что весь город говорит о русских и ни одного происшествия не ^{произошло} наблюдалось. Что за русские? Мы получили сведения от старых служак перед вашим приходом, что русские это "разбойники". Капитан и комиссар посмеялись и ответили: это ведь советские моряки, не царской России. ^И Полицейский поблагодарил за посещение города и, тепло попрощавшись, удалился.

Приготовления к отплытию окончены. снимается полицейский наряд у трапа. Команда: отдать швартовы! и ледокол уходит в открытый океан.

ВАЛЬПАРАЙСО - КАЛЬЯО

Курс на порт Кальяо в государстве Перу, на западном побережье Южной Америки. Это был очень ^и тяжёлый переход. Температура воздуха в тени 35 ^и градусов Цельсия, ни одного подыха ветерка, полный штиль, а ледокол качает, как в ураганный шторм, ужасная килевая и бортовая качка - это мертвая зыбь. Где-то прошел ураган, ветер раскачал огромные массы воды и раскачка дошла до берегов Америки. Громадные волны без единой морщинки на водной поверхности ^и поднимает судно на свои гребни и бросает ^и в провал между гребнями и оно то зарывается носом в пучину, то ложась на борт, как бы выделяет пируэты в сложном танце.

Нудное отвратительное состояние организма, нет привинового состояния штормящего моря, когда судно бросает, как щепку и организм сам настраивается на штормовую погоду и легче переносится качание, здесь же тишина и гладь на водной поверхности и в воздухе и ужасная круговерть при тропической жаре. Даже выдавшие виды старые моряки чувствовали себя прескверно, не говоря уже о тех, кто хоть немного страдал морской болезнью. Но вахта есть вахта и нужно идти вперед, отдавая все силы на преодоление "тихой стихии" сознавая свой долг конечной цели похода. Несколько суток этого изнурительного похода позади. Океан понемногу успокаивается, легче дышиться, настроение поднимается. Сутки похода при хорошем состоянии погоды и океана и вот мы подходим к порту Кальяо. Навстречу идет военный катер с таможенными служащими. После переговоров ледокол заходит в порт

и швартуется у стенки грузового причала. Очень много погрузочных кранов как стоя журавлей установленных по всей акватории порта.

На причалах высокие горы медной руды которую грузят одновременно на многие суда. Экипажу предоставляется возможность посетить город Кальяо и столицу Перу-Лиму, которая находится в 10 - 15 минут езды на такси. Дорога от Кальяо до Лимы в сплошном туннеле из гигантских деревьев сомкнувших свои кроны на высоте 20 - 25 метров.

В Лиме много памятников, скульптур, рыцарей на лошадях. Нужно отметить, что Кальяо, Лима, Вальпараисо, Монтевидео имеют общие признаки предшествующего иноземного владычества особенно испанского.

Здесь мы менее заметны в городе, потому, что здесь много эмигрантов из Европы, есть русские и украинцы, но их немного. В основном народ живет бедно, в центре много высотных домов, как и в других городах, к окраинам скопления лачуг.

У президентского дворца стоит стража в красочных латах с алембардами. Много различных кабаре и притонов, на улицах идет торговля целый день. Каких только даров природы здесь нет, какие-то неизвестные нам фрукты или овощи и продавцы навязчиво предлагают купить что-нибудь. Очень много бананов, продаются целыми гроздьями. Перуанцы говорят, что это их хлеб. Банан приторно сладкий плод, очень питательный, но к нему надо привыкнуть. Очень ценен банан созревший на кусте, а не в лежке. Для отправки на экспорт бананы срывают незрелыми, которые дозревают в пути и теряют настоящую ценность.

Особо запоминающихся событий в Перу не осталось, кроме поездки на медные рудники. Местные власти предоставили нам возможность побывать на медных рудниках организовав локомотив и два вагона специально для поездки на рудник, которые находятся на высоте 4000 метров. Медная руда и бананы главные экспортные товары Перу.

Поездка была захватывающей. Дорога проложена вокруг горы, как нам казалось этажами. За время подъема десятки раз открывались одни и те же пейзажи только в разных размерах уменьшаясь с подъе-

мом. Сменяются климатические зоны — от тропической до тайги, а затем мелких кустарников. В конце пути рабочий поселок и карьеры на пустынной местности. Очень немногие дошли наши до конца бодрыми и не увидели ни поселка ни карьеров, от недостатка кислорода они были погружены в сон. Единственное животное обитающее на этой высоте лама, шерсть которой оценивается на вес золота, и вывоз шерсти из страны запрещен. Однако изделия из такой шерсти уходят из страны контрабандным путем. Несколько минут кто мог наблюдали за работой в карьерах и в обратный путь. С горы спускались буквально на тормозах тогда как вверх локомотив ^ппыхтел изо всех сил. На обратном пути уснувшие сожалели, что так и не видели того, зачем собственно и поехали. Обрато ехали с остановками по 30 — 40 минут на станциях.

Мы выходили из вагонов, любовались экзотическими пейзажами, торговались ради шутки с местными торговцами фруктов, овощей даже не зная, что это такое. Нам говорили, что перуанцы любят торговаться и это забавляло нас. Я показал одной девушке — мулатке в железнодорожной форме портретик Ленина и спросил кто это? Она сразу же сказала: о Ленин! Мы поняли, имя Ленина, его лик притягателен для всех народов мира и является символом добра и справедливости. Образ Ленина мы видели в клубах Кейптауна, Монтевидео, Вальпарайсо. Много впечатлений мы вынесли из разговоров с едущими с нами с гор рабочими, которые на полпути выходили, чтобы несколько дней акклиматизироваться, потому, что резко нельзя спускаться вниз после долгого пребывания на высоте. Работают по 10 — 12 часов, живет не сладко. Единственная радость перуанцев праздники — карнавалы которые они очень любят и из-за них спускаются с гор в столицу.

Мы не дождались этого карнавала, готовились к походу. Закончилась стоянка в порту Кальяо.

КАЛЪЯО — ПАНАМА

Выходим в океан, он встречает нас дружелюбно, погода штилевая, волнения нет, в сутки преодолеваем до 500 километров. Так проходит трое суток. Второй раз пересекаем экватор, но в обратном направле-

нии, с юга на север. Температура в тени 35 градусов Цельсия. Солнце в 12 часов точно над головой, тени от человека совсем нет. Периодические ливневые дожди создают на палубе парную баню. В тропиках нет понятия утренней и вечерней зари. Только скрылось солнце за горизонт сразу же наступает темень, а утром пока не взойдет солнце темно.

День и ночь ровно по 12 часов круглый год.

Как-то к вечеру, когда спала жара и многие матросы вышли на палубу появился матрос в краснофлотской форме. Это было как гром среди ясного неба. Бескозырка с лентой "черноморский флот", суконная темно-синяя фланелевка с, светлосиний воротничек с тремя белыми полосками по краям, черные суконные брюки выглаженные в стрелку, ремень с блестящей бляхой и черные ботинки начищенные до лакового блеска.

Это было диво и все просто замерли от удивления. Особенно во все глаза смтрели на краснофлотца английские матросы Падды и Томми, которые ходили в своей форме. Где могла сохраниться краснофлотская форма на ледоколе после приказа в Батуми: всю форму сжечь!.

Оказывается один из матросов /забыл его фамилию /нашел потайное место и спрятал там форму. Когда его спросили, зачем ты это сделал, он ответил: нам объявили, что идем на риск и вот я рискнул, если уж придется погибать, то в морской форме. И тут началась полемика между англичанами и нашими матросами у кого лучше форма. И все же и англичане признали, что лучшей военно-морской формы матросов в мире нет и они не видели, но правда еще немецкая тоже красивая. И долго любовались нарядной формой, которой не видели уже полгода и очень скучали по ней.

На пол-пути к Панаме Тихий океан уже становился не тихий, разгуливается ветер, появляются белые гребни, усиливается качание судна/наверенные крылья в Дурбэне срезало еще при переходе в атлантике/ветер хотя и жаркий, но дает отдушину от тропической бани. Через сутки океан успокаивается, снова полный штиль, но не видно в океане ни китов, ни кашалотов, ни летучих рыб, не сравнить с Индийским океаном, где весь путь в нем проявлялась жизнь.

Даже дельфинов этих постоянных спутников не видно, кроме отдельных чаек или альбатроса камнем бросающегося в воду за добычей.

Нет встречных судов, все ближе к цели. На горизонте в дымке-мареве появляются силуэты судов, значит недалеко порт. И вот в мареве появляются высокие дома, подходим к порту-городу Панама, который находится в Панамском заливе примерно в пяти километрах от устья Панамского канала в западной его части. Штурман Марлян знакомит экипаж с городом и каналом по морской лоции. Становимся на якорь в ряду множества судов стоящих на рейде. Нам необходимо пополнить запас угля и продовольствия. Подходит катер с таможенной службой и после коротких переговоров капитану предлагают подойти к стенке у угольного причала. Команде ледокола разрешается ознакомиться с городом. Панама - это перекресток водных путей с восточного и западного полушарий и наоборот. Перешеек между северной и южной Америкой составляет около 60 километров, сам канал около 10 километров соединенный озерами, в восточной части перешейка озеро Гатун соединено узкой протокой с панамским заливом в западной части перешейка. Панамский канал зона США, стратегически важная водная артерия между восточным и западным полушариями. За сутки по каналу проходит несколько десятков судов в обоих направлениях и это важная часть доходов США, так как за проход по каналу оплачивается валютой. Панама - столпотворение высотных домов в центральной части города. Первые этажи сплошные витрины магазинов, ресторанов, кафе, кабаре и разных игровых заведений. Улицы постоянно заполнены днем и ночью разноязычной толпой иностранных моряков.

В Панаме как нигде процветает уличная проституция. И иностранные моряки из Европы, Африки и бассейна Тихого океана ведут себя в городе как разбойники. Много полиции, одиночек почти нет, дежурят группами днем и ночью. В магазинах⁸⁴ очень много разнообразных товаров, наверно в мире нет таких вещей, чтобы их не было в Панаме.

Принимаются деньги любой страны по известному лавочникам курсу

стоимости на мировом рынке. В городе буквально одни мы в темных брюках, большинство мужчин носят белые или коричневые шорты, женщины в прозрачных белых одеждах. Никто ни на кого не обращает внимания, разве только разукрашенные молодые женщины диффелирующие у витрин, которые буквально за руки хватают иностранцев предлагая себя. Никакие этические устои здесь не признаются, пьяные моряки гулланяют по улицам и никто не обращает на них внимания если не дебоширят, а когда хулиганят тогда вмешивается полиция, причем хладнокровно и жестоко. Дико, непонятно для нас, но такая действительность и особенно в Панаме. За шесть часов пребывания в городе устали больше, чем за несколько суток "мертвой зыби" "Прибыли из увольнения в порт и " потеряли "ледокол. Оказывается пока были в городе был отлив и ледокол "погрузился" у стенки на 9-10 метров у стенки и видно только мачты, по ним-то и узнали свое судно. Днем на пирсе много людей-докеров и просто любопытных интересующихся судном под красным флагом с серпом и молотом. Советских судов еще мало ходило через Панамский канал, а тем более заходило в Панаму и поэтому большой интерес проявляли жители города к необычному судну.

Докеры и население доброжелательно относились к советским морякам и приветствовали их возгласами: рашенс гут! Москау гут! камарадо!

Язык в Панаме в основном английский и испанский.

Погрузка угля производилась по толстым гофрированным трубам пневматическими устройствами, чем гордились докеры имея такую технику.

Запасы угля и продовольствия пополнены, ледокол отдает швартовы и направляется снова на рейд. Во время стоянки на рейде, через канал с атлантики в Тихий океан переходили эскадра боевых кораблей США из нескольких крейсеров и эсминцев, которые также стали на рейде. По соседству с ними оказался американский крейсер, очень красивый по своему контуру и надстройкам, даже стоя на якоре крейсер, как-будто готов к прыжку. Красивые и другие корабли, полюбоваться было чем. Особенно восхищался крейсером наш капитан и гово-
ри

рил: нам бы такие красавцы - крэблн да с командой советских моряков.

Простояли мы по соседству несколько дней, наблюдая за жизнью американских военных моряков крейсера. Днем на палубе пустынно, от случая к случаю пройдет матрос или офицер по палубе. Буквально с утра многие члены экипажа на катерах отправляются в город и только к ночи возвращаются на корабль. Американские военные моряки дружелюбно относились к своему соседу экипажу ледокола показывая кулак вверх поднятой руке. Вечером на палубе крейсера демонстрировались кинофильмы полупорнографического содержания, а также боевики с непрерывной стрельбой и погонями, экран с нашего судна был хорошо виден. Как и у англичан воспитание матросов одинаковое, подальше от политики, поближе к низменным чувствам и предприимчивости.

Поступило указание через американское командование: ледоколу "Микоян" следовать в Сан-Франциско. Готовимся к длительному походу.

ПАНАМА - САН - ФРАНЦИСКО

7 июня 1942 года снимаемся с якоря и ледокол берет курс на север. Нас тепло провожают американские моряки появившиеся на палубах военных кораблей, на крейсере подняли сигнал: счастливого плавания!

На ледоколе поднят ответный сигнал: желаем военных успехов!

Нам предстоит преодолеть 5000 километров в открытом океане. В Панаме где-то потерялся второй английский матрос-сигналщик Томми и остался один радист Падды и офицер Роджерс. На Тихом океане бушует война между Японией и США, поступают тревожные сводки Совинформбюро. Немцы у стен Севастополя, рвутся к Сталинграду и Баку, продолжается блокада Ленинграда. Машинисты и кочегары выжимают из техники все, чтобы быстрее завершить переход и включиться в непосредственную борьбу за обеспечение фронтов техникой и продовольствием, которые должны поступать северным морским путем. Без достаточного количества ледоколов эта задача затруднена.

Десять суток напряженного труда в шторм и штиль и мы у цели.

Входим в Сан-Франциский залив, взору открывается высотные до-

ма, как спичечные коробки расбросаны по городу расположенному на холмах. Впереди висится громада моста через залив соединяющий Сан-Франциско и город Окленд. Мост подвесной, опоры стоят на расстоянии около мили между собою. Вся громада 3-х ярусного моста покоится на канатах более полуметра толщины с 25 пятью тысячами жил из специальной стали. Нам говорили сами американцы, что мост построен якобы по проекту некоего русского инженера Попова, которого в России посчитали сумасшедшим, а в Америке бизнесмены превратили в явь и имеют большие доходы, все движение по мосту от локомотива до велосипеда платное.

В ожидании дальнейших распоряжений мы отшвартовались у причала порта и имели возможность ознакомиться с городом. В связи с тем, что мы должны работать в Арктике нам выдали американские доллары для покупки в городе теплых вещей, так как никакого "казенного" обмундирования не было.

Основной вид транспорта трамваи и частные автомобили, такси очень мало, зато частных автомобилей великое множество. Частные автомобили водят от старого до малого. Мы видели дряблую старушку и мальчика за рулем. В городе очень много полицейских, почти на каждом углу маячит его фигура. Как и в Панаме все первые этажи заняты магазинами ресторанами, кабаре и игровыми заведениями. Зашли в тир, на стойке любое мелкокалиберное оружие, винтовки, пистолеты от 5 до 25 зарядных, свободно продается боевое оружие разных калибров. Для упражнения в стрельбе мы втроем взяли по 25 зарядной винтовке и начали стрелять по различным фигурам. Так, как мы были все ворошиловскими стрелками, то много мишеней поразили и выиграли много различных призов, но брать их не стали кроме банджо, которое затем подарили нашему музыканту радисту Ковалю. Хозяин тира говорил в шутку: если все русские будут заходить и так стрелять, то они меня разорят.

Знакомство с городом мы делали пешком. Забрели на открытый ледовый каток. На входе трафаретка "только для белых". Посмотрели

за доллар фигуристок, зрелище увлекательное, но оказывается только для белых. С американцами общаемся с трудом, их речь более быстрая чем у англичан и многое мы не понимаем. Ведут себя американцы высокомерно, но о Красной армии отзываются тепло: Севастополь ~~гут!~~ Ленинград гут! Москва гут! и. т. д. большевик, но гут! комиссар, но гут!

Ну, чтож, кто, как воспитан. Мы закупили на выданные доллары необходимую одежду для плавания в арктических морях возвратились на ледокол. Между прочим и в магазинах твердых цен нет и можно торговаться, проявляется большое уважение к покупателям особенно со стороны девушек продавщиц. Нигде никаких очередей, как будто и покупателей не существует. В городе, что нам не понравилось, колоссальное количество бумаги на улицах. Было ветрено и тучи бумажек носились в воздухе как рой пчел, а в местах затишья скоплялись горы этих бумаг.

В городе побывали все члены экипажа и запаслись теплой одеждой.

Поступает указание: следовать в порт Сиэтл. Ледокол к походу готов. Отдаем швартовы и берем курс на Сиэтл.

САН - ФРАНЦИСКО - СИЭТЛ

Впереди 3-х суточный переход. В Сан-Франциско потеряли последнего английского матроса радиста Падды, ушел на увольнение и не вернулся на судно. Остался один офицер Роджерс. Идем без сопровождения.

В рейсе всякое может случиться, капитан напоминает сигнальщикам об особой бдительности. Сводки погоды для Роджерса от американских радиостанций принимаем сами. Погода благоприятствует походу.

Через трое суток мы у цели. Заходим в порт Сиэтл, ледокол здесь уже ждут. Ледокол встречает катер, с которого дают указание к какому пирсу причаливаться. На ледоколе необходимо произвести большой объем работ. Необходимо смонтировать противоманнитный пояс, перебрать машины, котлы, установить артиллерийское вооружение. После недолгой стоянки у пирса, буксиры отводят ледокол на судовой причаливают к стенке где и должен производиться весь ремонт.

Американские рабочие к ремонту приступают на другой же день.

по прибытию на судовой верфь, прибыло много рабочих, доставлены оборудование и материалы. Вдоль бортов по палубе прокладываются электрические кабели для размагничивания судна против магнитных мин, устанавливаются 75 миллиметровые зенитные пушки и крупнокалиберные пулеметы "Эрликон", в штурманской рубке устанавливается радиопеленгаторная установка штурвального типа, в радиорубке монтируются разноволновые радиоприемники типа РСИ. Одновременно идет напряженная учеба по освоению новой техники. На ледоколе нет ни одного кадрового артиллериста, все нужно освоить в очень короткое время.

Команда ледокола работает вместе с американскими рабочими и одновременно идет учеба. Боцманская команда, снабженцы, радисты, сигнальщики становятся артиллеристами, пулеметчиками. Пишущий эти строки назначен командиром расчета пулемета. Техника требует не малых сил, нужно фалинями натянуть пружину для производства первого выстрела, а затем автоматически идет перезарядка патрона, как говорят - хорошо не поешь, пружину не сожмешь.

Интересное происшествие случилось с английской пушкой установленной в Суэце. Ранее упоминалось, что она имела угол возвышения 15 градусов, а в атлантике во время шторма сорвало подъемный механизм и ствол намертво стал в вертикальное положение, так с этой пушкой и шли до Сиэтла. Американские рабочие вдоволь посмеялись над "совершенной" техникой которой снабдили англичане советское судно. Ледокол стоял у причала большой судостроительной верфи.

Американские рабочие нам говорили, что корпус судна на десять тысяч тонн водоизмещения сваривают за 84 часа. Никакого комфорта для команды не предусматривается, коробка, трюмы, кое-какие кубрики, машины, навигационное оборудование и судно на ходу. Эти суда предназначались для доставки грузов в СССР в крайне опасных условиях, поэтому не очень заботились об их оснащении ввиду возможности потопления во время конвоев, что фактически и было. Сотни судов такого типа "Либерти" было потоплено немцами в атлантике.

На территории верфи исключительная чистота, нигде ничего не валяется. При одной из профилактических работ в радирубке потребовалось с полметра проволоки 3 - 4 миллиметра в диаметре, обошел всю территорию верфи, но проволоки не нашел и вспомнил, как работал в качестве токаря на заводе им. Карла Либкнехта в Днепропетроске, там на территории завода тоннами валялась проволока какого хочешь диаметра и не только проволока, целые станки.

Работает на верфи около пяти тысяч человек, но на территории никто не бродит, только тележки с грузами снуют между зданиями, на судне рабочие общаются короткими фразами, никаких перекуров кроме обеда, который приносят с собой. Все рабочие в комбинезонах с многочисленными карманами для инструментов, никто ничего не ищет, все, что нужно под руками, для них нет не отворившейся гайки, несколько капель жидкости из металлического баллончика и гайка свободно сходит. Работают красиво, о посторонних разговорах во время работы не может быть и речи, все время в работе восемь часов минута в минуту.

Несколько дней хватило для монтажа кабелей, ремонта машин, монтажа артиллерийских установок.

Радисты приняли уже на американских приемниках удручающую сводку Совинформбюро, наши войска оставили город Севастополь, очень тяжелый для нас черноморцев удар.

Отшвартовываемся от причала на судовой верфи и переходим к портовому пирсу для погрузки угля и других материалов, а также для производства дезинфекции судна в целях уничтожения крыс, клопов, тараканов.

Вся команда перебирается в палаточный городок оборудованный американцами на лужайке вне порта, в котором и жили три дня.

Команде разрешено ознакомиться с городом, который расположен в пяти километрах от верфи. Общественного транспорта до города нет и мы направились в город пешком. По дороге нас любезно пригласили рабочие на свои автомашины едущие с работы. Все рабочие на работу едут на своих машинах, у кого нет пешком, но безмашинных очень мало.

Город чистый, красивый, очень много клумб, сквериков и деревьев, очень высоких домов нет. Денег у нас не было все истрачено в Сан-Франциско, но кое-какая мелочь завалилась и было решено нанести визит рабочему радиотехнику монтировавшему радиоаппаратуру и приглашал приехать в гости если случится быть в городе и оставил адрес.

Остановив такси показали адрес шоферу испросили стоимость проезда. шофер сказал: окей! и назвал сумму которая нас устраивала и мы поехали. Это был поселок почти стандартных домиков в которых жили рабочие верфи заключившие контракт на 20 и более лет. В таком доме и жил радиотехник. Домик состоит из прихожей, гостиной, двух спален и кухни, обогревается автономно, на кухне электрическая плита из четыре комфорки, мебель добротная но не много, во дворике водная колонка канализации нет. Домик достался по договору с фирмой с условием, что он отработает 20 лет, тогда домик перейдет в собственность с частичной оплатой его стоимости. В контракте оговорено, что при нарушении условия он может лишиться этого домика, когда будет бастовать или действовать против воли фирмы. Фирма платит гарантийный заработок выплата еженедельная и остается постоянным, какие бы цены не складывались на продовольствие и другие товары. В случае понижения реального заработка, требовать компенсации можно только всем рабочим до единого, иначе за нарушение условий может быть выброшен из дома, который принадлежит фирме до окончания контракта. Поэтому рабочие тяжело идут на забастовки.

Положение рабочих в Америке с началом войны в Европе коренным образом изменилось. По рассказу хозяина дома, до этого периода тысячи рабочих колесили по стране в поисках работы, а сейчас работы всем хватает и безработных нет. Война где-то, а в Америке тихо. Мы подумали: кому горе, а кому радость. С товарами промышленными хорошо, а с продовольствием хуже, в связи с увеличением покупательной способности, так, как миллионы получили работу, да и бизнесмены продовольствие отправляют на экспорт, более выгодно.

Угощение было скромное, несколько "прозрачных" бутербродов и какой-то приятный напиток, но беседа была теплой и приятной. Сам хозяин был безработным, мотался по штатам с семьей пока не устроился на судовой верфи в 1937 году и благодарит бога, что пока все хорошо.

Семья состоит из четырех человек — он, жена и двое детей, старший стажится на радиомеханика, как ученик фирмы, младшая школьница, жена не работает, в городе нет места для учителя. Прощаемся с семьей, он отвозит нас в центр города и мы пешком знакомимся с городом.

Так же как и во многих городах много магазинов, кафе, увеселительных заведений. Наступают сумерки и как по команде зажигаются неоновые огни, которые переливаются разными цветами и конфигурациями, зрелище сказочное. В городе больше нечего делать, на оставшиеся монеты нанимаем такси и возвращаемся в свой палаточный городок.

Погрузка угля и дезинфекция окончены, команде разрешается перебазироваться на ледокол. Ужас нас охватил, когда мы увидели в коридорах, трюмных помещениях сотни мертвых крыс, а в кубриках несметное количество мертвых клопов и тараканов, но теперь отдыхать будем спокойно. Команда готовится к походу, объявляется большая проборка, все драется, медные детали чистятся до блеска, все закрепляется.

Ледокол к походу готов. Нас пришли провожать многие докеры и знакомые рабочие работавшие на ремонте и по случаю проводов отпущенные администрацией со своих рабочих мест. Нужно запомнить, что отношение рабочих да и служащих пока мы с ними общались изменились в хорошую сторону, чего не скажешь о верхних эшелонах власти, они считают, что Россия полностью зависит от Америки и выражают свое пренебрежительное ^{снис} даже не отвечая на приветствия, особенно высокопоставленные администраторы, которые посещали ледокол во время ремонта и стоянки в порту. Ну что ж дело их. Мы были убеждены, что наша страна в основе полагается на себя, хотя и не знали истинного положения, тех трудностей, которые выпали на ее долю. Мы знали, что Украина, юг России под пятой немцев и представляли, как трудно воевать против страны на которую работает вся Европа.

30 июля 1942 года ледокол покидает Сиэтл и берет курс на север. Нас сопровождают американский крейсер и миноносец до острова Кодьяк. Кратковременная стоянка у небольшого порта и мы направляемся в западном направлении вдоль Алеутских островов уже без сопровождения надеясь на свое вооружение в случае опасности.

6 августа подходим к американской военно-морской базе на Алеутских островах Датч - Харбор. База хорошо оборудована, о нас уже знали и предоставили место у бетонной стенки порта. В это время в базу прибыла американская тихоокеанская эскадра в составе нескольких тяжелых крейсеров и миноносцев для заправки и отдыха личного состава. На палубах американских кораблей толпы моряков с интересом наблюдают за необычным судном под красным флагом. Ледокол пришвартовался бортом в стенке, а крейсера и миноносцы швартовались кормой.

После швартовки с кораблей начали сходить матросы и офицеры примерно человек по 200 на увольнение в городок на отдых. Для этой цели в США вербуют девушек на определенный срок для обеспечения отдыха военных моряков тихоокеанского бассейна.

Проходя мимо нашего судна, они все останавливались и приветствовали разными знаками и возгласами. Мы, зная, что американцы очень любят всякие сувениры решили собрать какие только есть значки на судне и подарить американским военным морякам, так, как находились в последнем порту иного мира. Нам сходить в ледокола не разрешалось и пришлось, что еще осталось от значков бросать в толпу матросов.

Что тут творилось вообразить невозможно, каждый стремился завладеть значком и кому достались просто ликовали. Какие-то высшие чины посетили ледокол и покидали его, один из офицеров попросил сувенир и я расстался с маленьким портретом Ленина, который показывал людям во во многих странах. Не знаю насколько понравился этот подарок офицеру, но он очень благодарил и даже когда сошли с палубы судна показывал его на пирсе сослуживцам. Но самый главный подарок для всей эскадры - наша военно-морская матросская форма. Для

Вручения этого подарка делегации от нашего судна разрешили сойти на пирс и торжественно вручить американскому морскому офицеру окруженному толпой матросов. На этом закончилось наше общение с американцами и мы начали готовиться к последнему переходу к берегам нашей Родины. Отдаем швартовы, последний прощальный гудок. На всех кораблях поднят сигнал: счастливого плавания, и мы выходим из гавани.

До родного берега 2000 километров. Берингово встречает нас не очень приветливо, сильное волнение и порывистый ветер. Вся команда в напряжении, ведь скоро родной берег. Через двое суток шторм утихает море становится спокойным. Переходим формальную линию смены дат.

За несколько секунд мы оказались в другом исчислении времени. В своей жизни мы не досчитались одних суток. Сигнальщики бдительно наблюдают за горизонтом и воздухом, выставлены дополнительные посты наблюдения у артиллерийских установок, идут тренировки у орудий и пулеметов. Возможна встреча с японцами, мы ведь союзники США, но на море и в воздухе спокойно.

И вот долгожданная команда с сигнального мостика: вижу землю!. Немедленно это сообщение транслируется по ледоколу, весь экипаж охватило ликование, вверх летят головные уборы. С верхней палубы бегут матросы вниз, чтобы подменить тех, кто стоит на вахте у машин и котлов. Постепенно команда успокаивается и необыкновенное чувство радости: задание Государственного Комитета Оборона выполнено!

Подходим к скалистым берегам бухты Провидения. Это было 9 августа 1942 года. Заходим в бухту уже заполненную транспортными судами, а также стоящими на якоре двумя миноносцами "Разумный" и "Разъяренный" и лидером "Баку". Все ждут нашего ледокола для проводки по северному морскому пути на запад в Мурманск. Август-разгар лета, но в воздухе свежо, дует северный ветер, становимся на якорь и к ледоколу подходит катер на борту которого прибыл новый капитан ледокола товарищ Хлебников. Капитана второго ранга Сергеева отзывают в Москву. Команда тепло провожает своего отца и спасите-

ля в этом беспрецедентном и опасном кругосветном переходе в трудных условиях прорыва вражеской блокады. Товарищ Сергеев сердечно благодарит личный состав за мужество и героизм проявленные в походе и желает дальнейшего счастливого плавания. Катер с капитаном отходит от борта, а вся команда прощально машет руками пока катер не пристает к пирсу. Новый капитан подает команду: судно к походу во льдах изготовить! По корабельной трансляции капитан объявляет цель сложного рейса, особенно в отношении военных кораблей, у которых очень тонкая бортовая обшивка. Несмотря на предусмотренные меры от возможного сжатия льдами /внутренние распорки и наружная деревянная обшивка корпуса /нужно не допустить такого сжатия, задача не из легких. Одновременно с военными кораблями провести транспорты с грузами из США /боевой техникой и продовольствием /. С 9 августа 1942 года ледокол исключается из состава боевых кораблей черноморского флота и переходит в подчинение управления севено-морского пути начальником которого был известный полярник Д. Папанин. Снимаемся с якоря и держим курс в Чукотское море, за нами снимаются военные корабли затем транспорты и выстраиваются в длинную кильватерную колонну.

Первые паковые льды не мешают продвижению колонны, мощный ледокол легко преодолевает их и делая разводы освобождает путь вслед идущим судам. Преодолевая льды внутри ледокола стоит оглушающий шум отломающихся и трущихся льдин о борт. Находясь в носовом кубрике кажется, что наступает конец света от страшного грохота за бортом. Ледокол сконструирован так, что он не колет лед носовой частью, наваливается на лед и своей тяжестью и мощным движением разламывает сплошные льды оставляя свободно плавающие льдины поэтому легко отходящие от бортов вслед идущих судов. Трудность заключалась в том, что разводья снова смыкались и приходилось снова возвращаться для повторения той же операции, а в некоторых случаях прямо вызволять из ледового плена. На первых порах были трудности у радистов привыкших работать военными кодами, а здесь сразу же перешли на международный радиокод так, как все радиостанции арктики работали по

по международному коду, ~~так~~ как все радиостанции работали по этому коду. Дедовы сводки с береговых полярных радиостанций Певека, Тикси, Амдермы, а также с самолетов дедовых разведчиков вынуждали работать по многу часов без смен так, как, для уверенного приема приходилось дублировать прием на двух приемниках, а радистов было всего четыре.

Особенно тяжело было работать с самолетами так, как радиостанции на них были маломощные, волна не стабильная, при удалении сигналы затухали и нужно было большое напряжение, чтобы уверенно принять текст радиграммы.

Проходим Чукотское море, Восточно-Сибирское, море Лаптевых. С запада навстречу нашему каравану пробиваются ледоколы "Ленин" и "Литке".

О всех трудностях проводки такого большого каравана описать невозможно, вся команда была в постоянном напряжении за судьбу военных кораблей с их тонкой бортовой обшивкой, не допустить сжатия, приходилось буквально нежно обхаживать каждый корабль, а это сложнейшие маневры в сплошных льдах. В Карском море произошла встреча восточного каравана с ледоколами "Ленин" и "Литке". Это была радость для экипажа "Микояна" облегчилась забота о других транспортах идущих в караване и сосредоточить все внимание на военных кораблях.

Преодолеваем самый трудный участок пути Карское море и выходим к проливу Карские ворота на острове Новая Земля. Чистая вода, военные корабли сбрасывают деревянную обшивку, где уцелела, благодарят за проводку и устремляются на запад по Баренцову морю на помощь Северному флоту. Мы продолжаем выводить из ледового плена некоторые суда застрявшие в разных точках. Последним вывели из ледового плена транспорт "Чонгар" у пролива Югорский Шар, но выходя к чистой воде ледокол застрял в ледовой каше, которую уже сам пробить не мог.

На помощь пришел ледокол "Ленин" имеющий в носовой части винт и только он смог этим винтом разогнать ледовую кашу и освободить "Микоян". Выходим на чистую воду в Баренцовом море и берем курс на Мурманск, нас встречают для сопровождения два американских сторожевых корабля. Прошли Канин Мыс, как будто все беды позади.

Вторая половина ноября 1942 года, начинается полярная ночь, день очень короткий, несколько часов, почти сутки ночь, небо затянуто облаками, на море темень. Ритмично работают машины, на боевых постах постоянное дежурство боевых расчетов, мы в зоне действия немецких подводных лодок. И вот 21 ноября 1942 года в 04.00 при смене вахт прогремел оглушительный взрыв. Ледокол затрясло как в лихорадке, погас свет. Через несколько минут электрики дали аварийное освещение, только тогда разобрались, что произошло. Под кормой ледокола взорвалась акустическая мина, механизм которой сработал от шума винтов. Рулевая машина была совершенно выведена из строя, кормовое орудие с боевым расчетом вместе со снарядами ящиками и людьми, как ножом срезало и выбросило за борт, пеленгаторную рамку срезало и она упала на мостик, многих матросов травмировало от удара во время взрыва, особенно тех, кто стоял на ногах. Попытки найти людей выброшенных за борт не увенчались успехом. Барказ сторожевики курсировали в районе взрыва несколько часов в сплошной темноте при подсветке прожекторами, но ничего обнаружить не могли кроме обломков от спасательных ящиков сорванных с тросов кормовой мачты.

Ледокол остался неуправляемым. В днище пробоины не было, но вода громадным потоком заливала машинное отделение через выбитые заклепки во швах судна. Были запущены донные помпы, которые смогли противостоять поступлению воды. Вода была откачана до возможности работы машин. Котлы были немного сдвинуты, но еще могли обеспечивать паром и ледокол медленно пошел вперед управляясь одними машинами.

Курс - в ближайший порт Иоканьгу. В Иоканье водолазы осмотрели днище и в результате осмотра было решено следовать в город Молотовск /Северодвинск / на судостроительный завод для производства большого ремонта. Снова в поход без рулевого управления, через Лбды Белого моря.

2 декабря 1942 года ледокол " Микоян " прибыл в Молотовск и сразу подвели пластырь под днище кормовой части, так, как донки "устали" качать беспрервно поступающую воду.

В Моховской эскадре ледокола был встречен начальником управления Северно-москского пути Папаниным и представителями наркомата Военно-морского флота СССР. Товарищ Папанин сердечно поблагодарил экипаж ледокола за беспримерное мужество и отвагу в этом трудном и опасном переходе и проводку с боевыми кораблями по северо-морскому пути. Так закончился этот легендарный рейс по приказу ставки Верховного командования СССР.

Все кадровые военные моряки были списаны с ледокола в Архангельский полукорпус, а затем расписаны по кораблям и частям Северного военно-морского флота, для продолжения в действующих кораблях и частях флота. Мобилизованные гражданские специалисты, которые доставляли ледокол в Николаеве встали на ледоколе.

Многих из экипажа уже нет в живых, кто погиб в последующих боях, кто умер по старости, кто уже пенсионер и рассказывает сыновьям и внукам об этом легендарном походе, от 42 го до 42 го меридиана вокруг света

Особенно чувство солидарности уругвайцев проявилось, когда группа советских моряков возлагала венок к памятнику национального героя Уругвая Артигасу, возглавившего борьбу за освобождение Уругвая от испанского владычества, и закончившаяся ^{уже} полной победой. Сотни тысяч уругвайцев собрались на площади, где и проходил ^а грандиозный митинг, на котором с горячими речами выступали представители от всех слоев общества, заверяя в искренней дружбе с советским народом в борьбе с гитлеризмом. Этого забыть нельзя.